

Вовка из новой эры или сто чудных бед

повесть первая

1. ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ ПУНИЧЕСКАЯ ВОЙНА

Молтаво вреден и скор, как жук-долгоносик. Торчит на том конце села, а спасенья от него нет нигде. И за что его моя мать уважает?

Досаждают нам пасечник из-за ветряка. Этот ветряк — брошенное чудо. Жернова там давно сняты, но есть много пухлых от ржавчины шестерен и рыхлых от старости лестниц. А пахнет ветряк бревнами да канатами, словно каравелла.

Здесь мы собирались в плакучий дождь и скучные вечера, качались на дощатых крыльях-парусах.

А этим летом ветряк отписан пасечнику под склад. Молтаво нацепил на дверь замок, большой, будто кукиш.

И вот мы решили вернуть свое. Ветряк — стратегическая точка. Там рядом наше обиталище, пруд. Теперь весь его берег стал владением деда. Кто стерпит такое?

Пробрались к мельнице по одному. Дед просчитался, думая, что ржавым замком-тугодумом может удержать крепость. Ветряк стоит на пнях-подставах, влезай под низ, а там в полу есть пара трухлявых досок. Пять секунд — и мы уже внутри.

Здесь пахло наглым захватом. Воск, мешковина, на нижнем ярусе гулкие ульи, наверху дряблые дымари, шляпа с сеткой-забралом.

Саня, наш отчаянный вожак, вкусно царапал на стене: «Молтаво». Было приятно.

И все же надпись говорила, что мы здесь не насовсем, что ехидный дед вернется. Ведь никто не напишет дразнилку там, где враг никогда ее не прочтет.

Да, он вернется. Значит, Карфаген должен быть разрушен.

Мы взялись бегать по лестницам, толкая вниз все, что можно. Ветряк, эта пустая двухэтажная бочка, гремел, как военное кино.

Устав, мы смотрели в бойницы. Из них такой вид — дух захватывает. Если бы дед не отирался сутками на пасеке, а устроил здесь наблюдательный пункт, то видел бы все наши маневры на пруду.

Тут толстенький Колюх глянул в бойницу, выходящую на рощу, где пасека, и тотчас присел:

— Влипли...

Дед подобрался слишком близко. Убегать уже было бесполезно. Пасечник шел прямо к нам. Высокий и костлявый, он приближался неотвратно, как двойка за неверно списанную контрольную. В последний момент Саня слетел на нижний ярус и запер дверь на засов. Не погибать же, словно кроликам.

Дед не торопился снять замок. Он стоял и с интересом щурился на ветряк, будто на какой-нибудь китайский памятник.

— Это кто тут нынче? — сказал он вредным, достающим до печенок голосом. — Колька, мол?

Неуклюжий Колюх чуть не заревел от обиды, что первого распознали.

А дед спокойно сел на ступеньку и вставил в рот папиросу. Тут мы поняли, что наша засада обернулась западней.

Удивительно устроено в жизни: минуту назад ветряк казался таким уютным, что век бы сидел в нем, а теперь его бревенчатые стены стали ненавистными.

Один Саня не потерялся. Показал кулак Колюху, знаками позвал на верхний ярус. Трап скрипел горько и безнадежно, как скамья под Колюхиной бабкой, когда та грызет на ней семечки. Какой-то обломок сонно полетел вниз, с треском квак-нул. Молтаво вскричал:

— Ничего, таво, не тронь! Выходи, мол, по одному! А Саня, наш умный решительный Саня блеснул

черными лупастыми глазами, шепнул:

— Вариант номер один.

Этот ход выручал не раз. Он прост: я отвлекаю противника, а основные наши силы рассредоточиваются.

— Ты в дыру, мы по крылу, — кивнул мне Саня и потащил толстяка Кольку на самую верхотуру, где главный вал держит крылья.

Я сполз вниз без единого звука.

Пасечник плотоядными кругами обходил ветряк.

Кося глазом, как радостный грач на пашне, он сторожил первого из нас, первую обмякшую беспомощную жертву.

Но я, конечно, вылетел из-под мельницы аккурат в тот миг, когда дед был на той стороне.

— Вовка? — запоздало семенил он вслед. — Значит, таво... все трое тут?

Ноги легко несли меня по большой дуге. Дело было сделано. Я уводил врага.

Однако, сам того не желая, я на ходу поднял голову кверху — туда, откуда Саня сейчас должен начинать свой красивый спуск. Упорный мой догоняла тоже глянул вверх — и сразу потерял ко мне интерес.

— Ага, милоч, — остановился он. — Давай, мол, деда обхитрим? Ну, я тебя жду.

На перекладине опущенного к земле крыла сидел не Саня, а позеленевший от горя Колюх.

— Прыгну-у! — выл он обреченно. — Сейчас прямо! Задохшийся от недавнего бега дед помолчал — и

ответил совсем иным тоном:

— Ты, Коля, мол, таво... Руками перебирай, перебирай.

И отошел от крыла в сторону — показал, что не будет сразу хватать пленника.

Колюх потихоньку лез, а черное крыло гнулось, качая остальные три. Чудилось, ветряк вот-вот переломится и, как музейный ящер, накроет нас истлевшими костями-обломками.

Пока вечный неудачник Колюх сползал к своему позору, Саня вынырнул из-под мельницы. Мы стояли и смотрели, как несчастный наш приятель покорно спрыгнул с края крыла прямо в руки противнику.

Одного пленника деду вполне хватит. Колюх полез под ветряк, потянул изнутри засов.

Потом мы слушали, как ругался пасечник, увидев погром, как скулил дружок, сдирая надпись.

Помочь мы не могли. Все шло по законам войны. Дед нынче победил. Колюх страдал из-за своей косолапости и моего неверного маневра. И из-за тактической ошибки Сани, пославшего разиню на крыло впереди себя. Кара ждет всех, но Колюха еще и публичный конвой по селу.

Так было не раз. Дед ловил нас у вечернего клуба, где мы после налета на ягодник самодовольно смотрели сквозь окошко взрослый сеанс, ловил на пруду с добычей, взятой у пчел в честном бою. Накрывал с яблоками, сорванными возле пасеки, и с арбузом, снятым с его огорода в отместку. Много чего было.

Мы шли вслед за нарочито ленивым конвоиром и понурым конвойным. Закат был издевательски похож на триумфальную арку. Этот закат сиял, как все награды мира.

Их забрал сегодня пасечник.

— Недавно считал, — сказал я. — У нас с Молтаво было двадцать три стычки. Это двадцать четвертая.

— Много, — удивился Саня.

— И римляне с Карфагеном столько не воевали. Должен же кто-то навсегда победить?

— Мы ему устроим, — подмигнул лупоглазый мой дружок. — Есть план.

Тут выбежала Колюхина сестра — и мы росинками упали в ближайший куст. С этой лучше не связываться. Зойка научилась у своей бабки всем воспитательным крикам. Главное, колотить ее нельзя. Она включается, как сирена автопожарки. И все бегут ее спасать, лишь бы замолкла.

2. ДИВЕРСИЯ «ХОЛОДНЫЙ ХВОСТ»

Сам поход на ветряную мельницу еще могу понять, вам там нравится, — мать устало смотрела своими глазами хлебного цвета. — Но зачем бить посуду с воском, рвать сетки?

Отвечать нечего. Я и себе не мог объяснить, зачем мы это сделали. Римляне тоже Карфаген сожгли, хоть их и осуждают за это.

— Ты похож знаешь на кого? На каннибала. Мама учитель истории, от нее я слышал про Ганнибала. Но значит, еще есть какой-то Каннибал.

— Каннибализм — это людоедство. Человечьей низости высшая степень. Уловил?

— Людоедов сейчас нет, — противился я.

— Ошибаешься, их еще хватает. Ими становятся постепенно. Начинают с битья ерундовых глиняных посуды.

— Ясно, — сдался я. — Что будет за то, что я похож на людоеда?

— Если вправду ясно, то два дня ареста вместо трех. Все же лето на дворе, жалко тебя. Пожалела. Лучше б ремнем отходила, как Санин отец. Пять минут порки — и беги с глаз долой. Красота. А тут сиди двое суток дома и размышляй о высшей степени низости.

Оба эти дня друзья крутились под окном, слали нетерпеливые знаки. Хотя знают: запрет не нарушу. Тут дело чести.

Интересно, легионеров сажали под домашний арест? Нет, их, наверное, просто к битве не подпускали, это для них главное наказание.

Кажется, пол-года, а не двое суток прошло. Я и воробьев с огорода самодельной катапульты пугал. И четыре ряда картошки прополол. И вазу нечаянно расколотил. А арест не кончался.

Едва дождался свободы, мне выложили план.

— Идем сейчас лить хвостунов. Подбросим на пасеку. Вот это месть... Жуткая, как учебник анатомии. Молтаво не выносит мелких бегающих тварей. Пчел

и ос не боится, а от обыкновенного мирного суслика шарахается, словно девчонка.

Весной в школу приходил председатель. Говорил, чтобы мы летом сусликов ловили, по десять копеек за хвост обещал.

Хвостунов из норок водой выгоняют. Берешь ведро и льешь. Зверек сначала воды наглотается. А потом думает, что всемирный потоп наступил, и выскакивает. Любой из дома побежит, копь на голову льется.

Только не очень интересно это — сусликов выливать. Иногда два полных ведра в нору вплеснешь, а его все нет, удрал по запасному ходу. Или еще хитрей окажется: повернется упругим задом и заткнет воде проход собою, как живой пробкой.

Мы облюбовали место недалеко от пруда. Стратегический план диверсии «Холодный хвост», или просто «ха-ха», выглядел так.

«Ха-ха один» — добывание сусликов. Здесь конспирация пока не нужна, в случае чего скажем, что боремся с грызунами по просьбе председателя.

«Ха-ха два» — скрытый марш-бросок к пасеке. Обстановка строгой секретности, как при тотальном списывании со шпаргалок.

«Ха-ха три» — сброс хвостунов в логово врага и смакование его бегства. Вот здесь уж точно — ха-ха!

Первую операцию начали четко. Сильный Саня черпал из пруда воду. Я прытко тащил плескучее ведро к норке. А Колюх делал главное. У него с сусликами удачно выходит, умеет струйку рассчитывать.

Он выгнал суслика из первой же дырки. Зверек попался ловкий, воды совсем не нахлебался, видно, не такой дурак. И выскочил так скоро, что Колюх его прозевал. А через пять шагов юркнул в другую нору, сухую, с теплыми сыпучими краями.

Но спасенья и там не было. Колюх полил тонкой, безжалостно непрерывной струей, норка забулькала, прополаскивая свое пересохшее земляное нутро, и выплюнула зверька наверх. Он не видел ничего впереди себя, только цеплялся лапами за липкий черный край норы и обнажал два белых зуба.

Колюх поднял хвостуна за загривок. Глазенки у зверька блестели, как влажные стеклышки. А зубки топорщились вперед, их можно было разглядеть до корешков. Из-за них суслик казался улыбающимся.

А что, бывает иногда и у меня такая улыбка: нечаянно оплошаешь и думаешь, что вот бы простили...

Когда не очень и виноват, особенно жалко себя. И против воли улыбка просительная появляется — неужели, мол, не поймут?

Колька опустил пленника на землю:

— Покаж, какой ты ходкий, когда наглотался. Тяжелое брюшко мешало, но суслик собрал силы и побежал.

Колюх бросился следом. Я и моргнуть не успел, как он хлопнул палкой по узенькой серой спинке.

Беглец перевернулся и запищал тонко-тонко. Все четыре лапки мелко задрожали, будто суслику стало сразу очень холодно.

Луг качнуло — это у меня голова внезапно закружилась. А Колюх снова тюкнул зверька. Бедняга тотчас замолк и замер. Оба белых зуба сделались вдруг ярко-красными.

— Мы так не договаривались! — крикнул я. — Зачем ты его палкой? А если... если бы тебя?

Эту глупую фразу любит Колькина бабка. Застанет за предосудительным и сразу: «А если бы у твоего дома мячом пылили?» Или: «А твоей матери эта беготня понравилась бы?» И тому подобное.

Но сейчас я не нашел, что сказать поумнее. И Колюх ответил снисходительным тоном:

— Зачем меня? Я ж, как он, колосков не порчу.

Ответ был вполне резонный и верный, словно грамматическое правило. Однако мне захотелось тут же дать дружку по шее.

Из-за облака высунулось солнце, презрительно прицелилось в нас жестким рыжим лучом.

Подошел Саня, глянул на мертвого суслика и скривился, будто у него живот схватило:

— Эту добычу теперь в руки взять противно, не то что до самой пасеки нести.

— У вас просто завидки, что я так быстро его вылил, — обозлился Колюх.

Злиться у него есть причина: минуту назад он был душой всей сусличьей затеи, а теперь его поносят как мародера.

— Катись-ка отсюда, — надвинулся Саня.

— Сам катись, — уперся красный и встопорщенный Колюх. — Я, может, вредителей

для общей пользы выливаю. Хвосты председателю отнесу.

И нагнулся за испачканной, вяло подсыхающей тушкой.

Дело повернулось неожиданно, могло кончиться плохо. Кто думает, что между друзьями никогда не бывает драк, тот ничего не понимает в дружбе.

Но рослый плечистый Саня не драчлив. Он лишь усмехнулся и сказал мне:

— Что делать будем?

Толстуна жалко не было, меня тоже слова про завидки укололи. Да и после того, как увидел зверька с красными зубками, всю эту затею продолжать не хотелось.

— Лучше искупнемся, — сказал я.

Саня пнул ведро и мы пошли на пруд, оставив Колюха посреди просторного поля мучиться одиночеством, как в огромном пустом карцере.

Славная операция «Холодный хвост» терпела крах, захлебнувшись в самом начале. Я и Саня почти не огорчились. Мы не знали, какую грозу приманит к себе холостая сусличья диверсия.

3. ОБМОРОК В СТИЛЕ ЛОРЕН

Следующие два дня прошли без особых событий. Мы с Саней обитали на пруду. Он так прогрелся от солнца, что казался большой кастрюлей, которую забыли снять с плиты. Ласковая вода хватала за плечи, из нее не хотелось вылезать, как утром из-под теплого одеяла.

Домой я прибегал лишь раз в день. Мать пыталась накормить меня, словно верблюда, с запасом, на долгий срок. Чтоб я не сбежал раньше, она заводит речь про что-то интересненькое. Вот и сейчас, подавая еду, произнесла:

— Значит, триумvirат распался?

— Откуда ты знаешь? — удивился я, глотая крошку вприхлеб.

— Коля один ходит. Будто побежденный Красе.

Это она здорово сказала.

— Мам, а я кто? Цезарь?

— Цезарь у вас Саша. Значит, тебе остается роль Помпея. Но тоже Великого. Все трое были великими.

Я вздохнул:

— Жаль, сейчас нельзя стать таким же великим.

— Почему? — улыбнулась мать своими хлебными глазами.

— Сама говорила, что выше древнего мира человечество редко поднималось. Вот бы родиться во времена Цезаря или Августа! Когда люди начинали новую эру, они стремились ее поскорей прославить.

— Гм, — сказала мать, подливая в тарелку.

— Да. А теперь, через две тыщи лет, трудно прославить свою эру, она и так давно знаменита. Это все равно, что в очереди стоять двухтысячным. Вот если бы я встретил первый год новой эры! Как Октавиан.

Мать засмеялась:

— Октавиан Август и не подозревал, что живет на рубеже эпох. Он считал время от основания Рима и тоже, возможно, думал, что опоздал родиться. Ведь Рим стоял до него почти восемь веков.

— Он не знал, что пришла новая эра? — изумился я.

— Не знал. Считать годы по-нынешнему стали гораздо позже. И тоже не впервые.

— Не впервые? Значит, когда-то могут снова решить считать время сначала...

Я справился с крошкой и хотел бежать. Однако мать, поставив кружку молока, сказала:

— Могут. Пожалуй, наш двадцатый век стоит всех прошлых девятнадцати. Возможно, в нем когда-то найдут веху для отсчета новой истории.

— Какую? — я слушал вовсю, молоко хлебал автоматически.

— Ну... — она чуть задумалась. — Например, с первого полета в космос. Весьма важное событие. Лет через триста люди без космоса себя представить не смогут.

— Это значит, с тысяча девятьсот шестьдесят первого...

— То есть, с первого года новой эры.

Мать всегда самый пустячный разговор так повернет! Обычную вещь превратит в альбом-раскраску. Подсунет будто невзначай, а потом ты уж сам крась серые картинки-будни любим ярким цветом.

— Получается, что я живу...

Закрыв глаза, подсчитывая. Молоко было допито. Мать взмахнула полотенцем:

— Получается, ты живешь на стыке эпох. И надо торопиться прославлять новую эру.

И шлепнула меня по спине, благословляя на подвиги во имя новой, космической эры.

Я опять помчался на пруд, наш центр мира, наше парное Средиземноморье. Мы с Санькой всласть обсуждали открытие. Да, на заре новой эры скучать просто преступно.

И тут в землянке обнаружили Колькины следы.

Однако я забыл рассказать о землянке! Каждое лето мы сооружаем в роще тайную резиденцию. Без нее жить на свете абсолютно невозможно.

Первые две землянки разорил — кто б вы думали? Конечно, Молтаво. Они были слишком близко от пасеки.

Но теперь мы отыскивали для штаба идеальное место. Тут среди деревьев есть скользкий склон, из которого сочится робкий родничок. Мы прокопали лаз, выход вывели прямо на ручей. Теперь дед может пробраться к нам разве что в сапогах или сквозь мерзкие цепкие заросли.

Несмотря на близость родника, землянка получилась сухая и ладная. Набросали пахучей травы, подвесили столь же пахучую керосинку, хоть и без фитиля, выдолбили в углах тайники. И пометили землянку на секретной карте — ее подobaет иметь всем уважающим себя мужчинам.

Придуманно и еще кое-что. Подступ завален терновником, колючим, как взгляд Молтаво. Поперек тайной тропки висит контрольная веточка.

По этой безвольно поникшей ветке мы и поняли, что штаб навещали. На землю она не сбита, но висит уже не так. Колюх был.

В тайнике стояла коробка... с двумя сусликами.

— Он принес их, чтоб помириться, — догадался я.

— Не будем мириться с живодером, — ответил Саня. Мятые хвостуны оскорбленно фыркали. Мы унесли

их, а вход загородили корягой. И поставили на ней глиняную печать. Это означало, что Кольке в землянку нет пути.

Но назавтра Колюх в штабе все перерыл, искал сусликов. Понял, что не прощен, и озлился. При уходе ничего не замаскировал, корягу свалил в ручей. Контрольную ветку бросил в сторону.

Ссора принимала серьезный оборот.

А потом случилось вот что.

Как обычно, мы лежали с Санькой на пруду. На том берегу, недалеко от ветряка, остановился темно-желтый жукастый «Москвич». Из машины вышла тощая городская тетка с голыми ногами, чужая девчонка с надутым кругом. А за ними... Зойка. И Колюх!

Они ходили к ветряку, визжали у воды. Колюх издали смотрел на нас, будто на туземцев.

Навизжавшись и по-детсадовски набродившись там, где вода была лишь по коленки, они снова сели в блестящую машину-жука и поехали на пасеку. И Колька поехал.

Мы, конечно, не двинулись с места. Хотя страшно хотелось знать, что за гости осчастливили село.

Вечером все разъяснилось. Мы играли в футбол, а увалень Колюх прогуливал приезжую, уже облачившуюся в белые, как простынка, брюки. Девчонка, правда, красивая, большеглазая, с витою, будто у выюнка, прической. Рядом с ней конопатая Зойка гляделась рохлей.

Но они, однако, стали важничать и болеть против нас.

— Дави белобрысого! — кричала Зойка, свистя сквозь пальцы.

Белобрысый — это про меня, я выгораю на солнце, как бумага, быстро и безнадежно.

— Шайбу! — поддержала гостя.

Потом опять подкатил «Москвич». Тощая тетка сидела за рулем, рядом, горбился пасечник. Было ясно: приезжие — его родственники. А Колюх с Зойкой, живущие вблизи, сразу набились к ним в друзья.

— Продался Колюх за машину, — сплюнул Санька, когда, выиграв, мы, как плашки, неподвижно лежали в сумеречной траве.

— Нет, он клеится к этой, в штанах, — сказал Мотья, из другой команды.

Мотья считает себя взрослым, хоть лишь на полтора года старше нас. Волосы, будто веревки, у шеи болтаются. Мотья ими гордится, а лягушек, словно первоклассник, камнями пугает и окурки у магазина ищет.

Однако сейчас он прав. Городская девочка не то, что наши, с облупленными носами. Готов спорить, каждый завидовал Кольке. Только не мы.

— Конец дружбе, — проговорил Саня, стряхнув пот со лба.

Он сегодня выложился, забил два гола. Мстил за «белобрысого».

Я промолчал. Через пару дней Колюх непременно пойдет на мировую, и отталкивать его не стоит, подумалось мне.

Но следующие события показали, что Колюх закусил удила. Сделанное им было уже настоящим предательством. Он привел к землянке Зойку и эту городскую...

Мы чуть не заплакали, увидев развороченную крышу и опрокинутую керосинку. Повсюду следы Коль-киного варварства. У входа, как скверна, валялись обертки конфет, тех, какие грызла Зойка возле футбольного поля.

Глаза у Сани горели, он сказал решительно:

— Операция «Холодный хвост» состоится.

— Колюх знает, что это наша затея, донесет, — предупредил я.

— Пусть. На войне как на войне.

— Встреча у границы, — и без лишних слов я помчал за коробкой, спрятанной дома.

Граница — это колея, отделяющая пасеку от нашей половины рощи. Дед, правда, никаких условий не блюдет, шастает, где заблагорассудится. Но мы честные противники. Колею переходим, как и надо, только в пограничном коридоре. Там есть указатель со стрелками. На одной намалевано «Молтаво», возле другой наш герб — три звездочки.

Дома ждал сюрприз. Коробки с сусликами в сарае не было. Я метался из угла в угол.

— Зверьков своих ищешь? — спросила мать. — Я их выпустила. К чему животных в коробке томить.

Мои колени ослабли. Мать поспешила успокоить:

— Я их не совсем выпустила. Они в саду, в загородке, где раньше цыплята были. А зачем они тебе?

Ах, ну и мать у меня. Наивная, хоть и учительница. Грызунов в хлипкую загородку!

Я побежал в сад. Так и есть... По хлебным крошкам равнодушно топтался суслик.

Всего лишь один. Опоздай я на полчаса, смылся бы и этот.

Я засунул его за рубашку, и всю дорогу к роще он приятельски трепал меня прохладными лапками по животу, думая, что несут его к родной норе.

Саня стирал с герба звездочку, обозначающую Кольку.

— Я ползал, — прошептал он. — Они там черемуховый мед трескают... Начинаем?

Во владениях Молтаво мы обычно движемся перебежками, а у самой пасеки и вовсе ползком. Таковы законы разведки.

Суслик за пазухой возмущался. Машина притаилась среди зелени метрах в ста от дороги-границы.

Подползли классно, ни один сучок не хрустнул. В кабине я отодрал от живота разъяренного хвостуна, сунул в боковой ящичек, откуда ядовито несло духами.

Суслика эти запахи тоже не обрадовали. Он зашумел внутри, завопил, как корейская радиоволна.

Мы лежали в молодых березовых кустах-самосевах и ждали. Прошло минут сорок, противник не являлся.

— Послушай, — сказал Саня, — они отняли у нас землянку. А мы худым сусликом их пугаем?

Он вынул из кармана ножик с откидной отверткой. Не успел я моргнуть, как друг уж был у машины. Пристроился около фар и через минуту снял цветное стекло. Будто бутылочный глаз вынул у снеговика. И желтая морда машины сразу стала противной и перекошенной, впрямь как у неудачно слепленной снежной бабы.

Это была черная месть. О такой я даже не предполагал. Скоро с «Москвича» были сняты еще три стекла.

Около пасеки мелькнуло. Я крикнул уткой (правда, от волнения крик получился похожим на хрюк), и Санька без паники отполз обратно в березовые самосевы.

Компания шла с пиршества. Впереди, по-фараонски отдуваясь, вышагивал Колюх, что-то заливал девчонке, а она обмахивалась ромашкой. Зойка увивалась возле тетки в шортах и долизывала мед со своих морковных губ. Молтаво сзади нес миску с липкими остатками сот.

И тут Колюх вскричал:

— А чего это?

И вид у него стал такой, будто он наелся не меду, а глины, И только сейчас о том догадался.

Тут все сразу заметили, что с машиной.

И началось. Тетка с голыми коленями ахала, как заводная, хваталась за виски, наконец закатила глаза и стала падать. Причем, сманеврировала, присев точно на мягкую травку, а не на ухаб.

Что значит городская. Красиво обморок играет, прямо как Софи Лорен.

А потом она дрыгала пупырчатой ногой, причитая:

— Боже мой, боже! И в наше время такое варварство!

Зойка бегала вокруг нее и ломала руки. Показывала, что тоже умеет страдать по-киношному. Старательно завывала:

— Валентина Ивановна, какой ужас! Какой ужас, Валентина Ивановна!

Пасечник скреб свой плоский лысый затылок, смотрел на остолбеневшего Кольку, примеряясь спросить о чем-то.

Между тем та Валентина Ивановна резво вышла из обморока и бросилась в машину, крича, не украдены ли документы...

В следующий миг она коротко и как-то покорно вывалилась из дверцы. На сей раз не играла, шмякнулась на землю, будто куль картошки. С нее спрыгнул суслик.

Городская девочка, до этого с некоторым даже любопытством наблюдавшая за происходящим, отпрянула в испуге. Пасечник чертыхнулся, неловко переступил — и

грохнулся со своей миской. Соты разлетелись, как шрапнель, повисли на машине и ветках.

Вражеская армия была в полном расстройстве. Мечь свершилась.

При виде юркнувшего в траву хвостуна Колюх сразу взопрел. Зашнырял глазами по кустам, отыскивая нас. А Зойка подступала к нему, сладостно крича знакомым гнусным голосом:

— Я знаю, кто это устроил! Кто давеча сусликов приносил, кто коробку для них искал? Ты! Это Вовка тебя подговорил.

Оправившийся Молтаво тоже грозно надвинулся на бедного потного Колюха:

— А ну, выкладывай, мол. Куда стекла, таво, дел? Зойка-дура спохватилась:

— Машину не он разорял, он только сусликов... Это Вовка с Сашкой, вы поспрошайте, Колька скажет.

— Так, мол?

Колюх набычился и уперся взглядом в землю. У меня захолонуло внутри. Если он кивнет, то нас начнут искать и наверняка наткнутся.

Щеглы над головой сочувственно свистели нам панихиду- Воробьи зло чирикали анафему.

И такого хулигана мы на машине катали, — подала голос пришедшая в себя Валентина Ивановна. — Медом нашим кормили.

Колюх дернулся, поднял свою нечесаную и честную голову:

— Не ваш он, а колхозный.

— Ах, негодяй! — возмущенно заплескала руками тетка. — Сейчас же в милицию, пусть родители уплатят за машину.

Тут не выдержала Зойка. Видно, представила, сколько стоит целая машина, и заревела:

— Гад такой, теперь мне пальто не купят!

Вдруг произошло неожиданное. Саня зашевелился и... поднялся во весь рост.

Он стоял спокойно под взглядами опешивших противников. Потом шагнул вперед, достал из карманов винты и лампочки, положил на траву.

Мне было страшно отрываться от земли. Но я тоже встал, опустил стопку цветных стекол рядом с лампочками.

Затем мы повернулись и гордым шагом скрылись за кустами, как видения. И лишь потом бросились наутек, сбивая с ветвей восторженно аплодирующую нам листву.

4. ПРЫЖОК ЧАЛОГО

Что будем делать — спросил Саня, ког-да мы обессиленно упали на косогоре по ту сторону рощи. — Отец теперь задаст.

— Мне тоже влетит, — попробовал я утешить. — Как пить дать, пять суток ареста.

После паузы он снова сказал:

— И в землянке жить нельзя, Колюх всю разломал.

— Однако сейчас нас не выдал...

Мы сидели на косогоре долго, до вечера. Ничего не придумали и понуро пошли по домам. Сумерки хватали за спину своими холодными пальцами, было зябко и спине, и сердцу.

Мать встретила молчанием. Она у меня роста невысокого, я ее скоро догоню, но все равно под взглядом ее теплых и одновременно грустных глаз чувствую себя всегда маленьким, виноватым. И сейчас я понял, что ей уже все известно.

— Садись кушать, — сказала она.

Есть очень хотелось, но я помотал головой. Кто же станет ужинать, если впереди такой разговор...

Мать никогда даже не закричит, и это переносить особенно тяжело. Хоть бы ногами

затопала, руками замахала, как математичка Клавдия Ивановна на свою кособокую дочку Катерину.

Катерина девятиклассница и отличница. Но раз проторчала вечером у клуба и назавтра получила двойку. Клавдия Ивановна кричала во дворе: «Ты подрываешь мой авторитет! Ты понимаешь, что он пошатнулся!» Думала, ее не слышат. Но мы с Саней сидели за плетнем. Мы самодельную ракету опробывали, а она к ним в сад залетела. Хорошо, не сработала. Санька мне тогда шепнул: «Ракета не взорвалась, зато эта сейчас сама со своим авторитетом взлетит».

Моя не такая взрывоопасная. Хотя мне от того не легче. Учусь не хуже Катерины, однако меня иногда таскают в учительскую за всякие проделки. И как это получается? Я бы, кажется, скорей умер, чем нарочно натворил что-нибудь. Ведь когда меня приводят, мать бывает несчастная, будто чижик на ледяном ветру. И потом дома, как нынче, очень грустна.

— Ну что? — начала она тихо.

— Они первые землянку разорили.

— А вы в ответ машину? За какую-то нору...

— Это не нора. Это Санино укрытие. Ему же надо иногда прятаться от отца.

Мать посмотрела долгим взглядом и проговорила:

— Послушай, Вова, знаешь, что страшно? Вы свою месть готовили хладнокровно, расчетливо. Зверьков заранее ловили... Не думала, что ты так жесток.

Помолчала, добавила тише прежнего:

— Я не смогу простить тебя, пока не извинишься перед Иваном Матвеевичем, его дочерью и внучкой.

Нет, только не это. Просить прощенья у Молтаво? Скорей соглашусь лягушку слопать.

— Ты, мам, не переживай, что я такой плохой, — было тяжело прибавлять ей неприятностей своим упрямством. — Я... я лучше из дома уйду.

Слова вылетели неожиданно, дурным птенцом-слетком. Мать не шевельнулась. После паузы вздохнула:

— Ну что же... Видно, ты стал взрослым и хочешь сам отвечать за себя.

Санины родители на его побеги сначала и ухом не ведут. Потом ловят по всему селу. Меня же никогда не тянуло уходить из дома. Но теперь — надо. Видно, мать впрямь измучилась со мной, раз согласилась на это.

Слепо потоптался по комнате и вышел на улицу.

В животе гулко щелкнуло, и я вспомнил, что не поел. Оцарапанные ветками плечи ныли, остывшим пяткам было щекотно в росистой траве.

Оказывается, свободным как птица быть без привычки трудно. Особенно вечером. Даже зажженные окна скучного Мотькиного дома, на которые никогда не смотрел, сейчас вызвали непонятную зависть.

Вечером часто тянет убежать подальше, чтобы не зазвали спать до времени, тянет погонять на велосипеде или покрутиться у клуба. А сейчас как-то и на люди не хотелось. Будто нездешний.

Лазутчиком бродил по селу, под стрекот голосов переходя из тени в тень. И впервые подумал, что ла-

*

зутчик — довольно тоскливая роль. От всех прячешься, жуть-Тьма выпихнула под свет фонаря пьяного Саниного

отца. Вместо носа — рыхлая компотная слива, слюдяные глаза пялятся внутрь себя.

— Во-Вовка? — сказал он, еле узнавая. — Иди сюда, драть тебя буду.

Я молчал.

— Не идешь? Ну, я Сашку... Бес... совестные. Я от стыда выпил даже. Мне такое

Матвеич сказал... Я со стыда...

Всегда оправдывается пьяный. Потом буйнит, потом опять оправдывается. И так, пока не заснет.

— Вы не от стыда выпили, — проговорил я дерзко. — А Саня ни в чем не виноват.

Пьяный насупился и пошел, вяло цепляясь за плетни. Боров на задних лапах. Хоть бы стал, как евину подобает, на все четыре.

Понемногу село утихло. Ноги сами привели к дому. У нас горел свет. Улица уже заснула, а мать не спала.

Было б не так поздно, я побежал бы к Молтаво и попросил у всех прощенья. Пусть радуются, пусть думают, что я лишь перевоспитавшийся хулиган, а не мститель.

А потом я быстро вернулся б домой и рассказал маме все-все до последней капельки. И она поняла бы, что я никакой не жестокий, а просто мне обидно за Санькину землянку, за свой ветряк и даже за Кольки-ну измену.

Я твердо решил утром идти к деду на покаяние. Все-таки мамино спокойствие главней моей гордости.

Неподалеку от дома есть облупленный сарай, где обитает серо-розовый конь-старик по кличке Чалый.

Во дворе «персональный» бригадиров транспорт — телега, сани, дрожки. Усатый бригадир Петрович впрягает в них вечно задумчивого Чалого и уезжает на поля и фермы.

Петрович веселый. Ему говоришь: «Здравствуйте» — он подмигивает и отвечает: «Ага». А когда едет на Чалом, то мурлычет в светлые редкие усы: «Рожь шумит, качается...» И вдруг спрашивает себя: «А зачем?» Поет дальше: «Не видать следа...» И снова деловито спрашивает: «А почему?» Будто с песней разговаривает.

Разлапистые сани приткнулись в углу двора, заросли травой по самый пояс. Из них Чалый хрумкает свежее, уже этого лета, сено. Тут я и решил переночевать.

Мне повезло. В санях нынче целая копешка. Я в нее зарылся, угрелся. Стебли мягкие, неколючие — сок еще не весь ушел.

На небе выступили звезды. Травинки легко и невидимо гладили щеки, и казалось, что это звезды цепляют меня своим сухим бисерным светом.

Когда долго смотрю на небо, чудится, что не оно висит надо мной, а я над ним. И можно отлепиться от земли и упасть в пустоту. А там дальше земли нет нигде, и непонятно, куда шлепнешься. Скорей всего, никуда, так и будешь всю жизнь лететь и лететь, вниз и вниз.

Становится немного страшно и я невольно хватаюсь руками за что-нибудь, чтоб и вправду не упасть в небо. А что, ведь если Земля круглая, то мы, значит, к ней прилеплены, как соринки к футбольному мячу. А вдруг земное притяжение нечаянно испортится — хоть на мгновение?

Передо мной была яркая белая звезда. Мать говорит, что ее зовут Вега, а все созвездие — такой маленький красивый четырехугольничек — Лира. Вега из созвездия Лиры летом всегда над головой, всегда самая яркая, и мама говорит, что она сопровождает людей, как совесть.

Вега смотрела на меня и говорила маминым голосом:

— Совесть помнит все и не прощает ничего. Пойми, Вовка... Но взывать к совести бесполезно. Если она есть, она сама к нам взывает. Пойми, Вовка.

Я спал, закопавшись в сено с головой. Снилось, что мы с мамой гуляем по небу и трогаем звезды руками.

И вдруг откуда-то сверху на нас потянуло прохладой, над головой раздалось странное фырканье. Я раскрыл глаза — по краю ярко синело небо, а прямо надо мной...

Прямо надо мной висела страшная морда. Она скрежетала и жамкала зубами, стягивая

с меня травяное одеяло.

Волосы встали дыбом. Признаюсь: я испугался. Хоть это и недостойно воина. Не знаю, просыпался кто из древних римлян от такой вот картинки. Если да, то пусть не врет, что сразу схватился за меч. Не поверю.

Дальше все просто. Чтобы не быть съеденным мордой, я сбросил с себя сено, вскочил — и одним прыжком вылетел из саней.

Чалый (а это был он) дико всхрапнул и отпрянул! Бригадир (он тоже был здесь) оторопело ахнул.

Я решил, что не стоит задерживаться. Вслед неслись крики Петровича:

— Нечисть подсадная! Откуль ты взялся?

Он не знал, кого ловить: мальчика, нырнувшего сквозь штакетник, или коня, махнувшего через забор в другом конце двора.

В лучах тихого восхода мы галопировали по селу — я к северу, Чалый к югу. Затем, увидев, что меня не преследуют, я притормозил. Где-то на выгоне бригадир подзывал Чалого, старик обиженно ржал и не давался.

Теперь на мне висело еще одно преступление: покушение на конягу.

Было пять утра, из дворов выходили угрюмые коровы. Они подолгу мычали на поднимавшееся солнце, будто обвиняли его в чем-то, может, в своих ночных коровьих кошмарах, которые от перееданья.

Не терпелось увидеться с Саней. Что с ним было за это время, как он сейчас там?

Гладкий пруд парил, как мокрая майка под утюгом. Разве что не шипел. Зато прыгавшие в ивняке воробьи орали, словно на стадионе. Днем они никогда такой крик не поднимают.

Надо известить Саню, что я не арестован, а вообще изгнан, поэтому не стоит высматривать меня перед домом.

У нас есть средство для обмена важными тайнами. Нет, обычно мы вызываем друг дружку свистом. А если приятеля дома нет либо нельзя никому на глаза попадаться? Тогда выручает тайник.

Он в роще, близ указателя. Сделай от него двадцать два шага, куда показывает стрела с тремя звездочками (теперь, правда, с двумя), и упруешься в мохнатый дубовый пень. В его истлевших корнях спрятана обычная консервная банка.

Шаги не мерим, мы это место с закрытыми глазами отыщем. Рядом темным ужином ползет тропинка к пруду. По ней все ходят, а на пень ноль внимания.

В банке ссохшийся блокнот и огрызок синего карандаша. Кольку я узнал по ошибкам. Он волновался, терял буквы:

«Три Звезды, опасно! Надо стретится, опасно! Если Второй аристован, жду Первого на иксе. Трети...»

Писал Колюх вчера вечером, раз намекает на мой арест. Я вырвал запись, сунул в карман, а на чистом листке накорябал торопливо:

«Второй получил от Третьего сигнал об опасности. Место встречи — Икс.»

Немного послонялся по неприятной и неопрятной от росы сонной роще и двинул к пруду. Это и есть место Икс. Такой шифр ему присвоен потому, что здесь торчи хоть весь день, никто никогда не спросит, чего, мол, тут околачиваешься. Бесполезно назначать и время встречи. День у воды пролетает, как час. Поэтому стоит сказать «Приходи завтра на пруд» — и будь уверен: обязательно увидишься.

Все же я удивился, застав Саньку на берегу. Было довольно рано, еще и обросевшие крылья у стрекоз не обсохли.

— Привет, — обрадовался друг. — Думал, тебя не пустят из дома.

— Выпустили, — не хотелось сразу приступать к длинной истории ночи. — А тебе сильно влетело?

— Как обычно.

Нахмурился, уставился на поплавок. Удочка у Сани всегда спрятана здесь же, в роще, поэтому он в любой момент может ее забросить, если есть клев.

— Смотри, чего Колюх в тайнике написал.

Саня прочел и нахмурился еще больше. Скуластое лицо несколько секунд было неподвижным, как мрачная древнеафинская маска.

— Видно, Молтаво и вправду в милицию пожаловался... Слушай, Вовка, давай сначала сазана испечем.

Он привстал и за жабры выволок из травы скользкую рыбину. Большую — чешуя с пятак. Я восхитился, быстро развел огонь. Накопали в обрыве мокрой глины, облепили ею сазана, как паралитика, с головы до хвоста и положили в костер.

Пока глина сохла, коробясь на углях, я поведал события ночи.

— Надо идти извиняться, без этого меня мать не простит.

— Хорошая она у тебя, — сказал приятель, и я понял, что он не судит меня за такое решение.

Разворошив угли, вынули окаменевшего сазана, содрали с него обломки глины. Вместе с ней отстала и чешуя. А белое мясо дымилось, слоеными упругими пластинами лежало на косточках.

Достали из-под лопуха чуть отсыревший ломоть хлеба и взялись пировать.

— Знаешь, — виновато сказал вдруг Саня, — я карту где-то посеял.

— Да ты что! — вскричал я, роняя краюху. Карту я чертил два вечера. На ней село, пруд, роща,

тропинки, а главное — наша землянка, тайники, пограничный коридор и прочие секреты.

Картой мы почти не пользовались, и так знали все назубок. Но я настоял, чтоб друг держал ее при себе. Какой же командир без карты? И Санька носил ее в нагрудном кармане.

— Сегодня хватился, — продолжал он. — Наверное, когда вчера бежали, выпала. Надо бы поискать.

— А если кто-то уже нашел? Дружок махнул рукой:

— Что теперь горевать, Вовка. Все равно землянка разломана.

Вздыхнули. Да, Колюх нанес нам урон... Но чего опять хочет? Неужели надеется на прощенье после такого?

По дороге, утопая в тяжелой пыли, глухо застучали копыта. Мы оглянулись. Бригадир! Чалый, как ни в чем не бывало, встряхивал коричневой гривой, путаной, будто мои сегодняшние ночные мысли.

Возле нас Петрович осадил коня. Я на всякий случай сжался, готовый стрелнуть прочь.

Однако доброе лицо бригадира — широкое, до красноты протертое ионом — расплылось в ухмылке:

— Здорово, суслики!

— Ага, — ответил Саня.

Бригадир слез с повозки, подошел. Его загар пробивал даже сквозь усы.

— О ваших сусликах уж пол-села знает. Вас бы на уздечке держать, как Чалого. Правда, Вовка?

Я весь был сплошной молчаливой пружиной. Мало ль, какой у Петровича настрой против меня. Может и по шее стукнуть. И прав будет.

— Як вам с делом, мужики. Людей не хватает. У трактора поработать хотите?

Конечно, мы хотели. В прошлом году еще просились, но в правлении сказали, чтоб подросли.

— Согласны, — проговорил я, блаженно опадая всеми мышцами. — Только к матери сходиться надо, чтоб позволила.

— Мать у тебя мудрейшина! Она сама упросила за тебя. Ее благодари, что к трактору допускаю.

Совсем гора с плеч. Значит, дома я прощен. Вместо наказания сделать мне такой подарок...

— А Колюх? — вспомнив, повернулся я к Сане. — Вдруг у него что-нибудь серьезное для нас?

— Плевать! — только и сказал друг, лупастые глаза которого горели от предвкушения езды, работы.

Тогда я достал Колькину бумажку, смял и бросил в пруд. Она обиженно корчилась, рыхло и неохотно набухая, тяжелея от влаги.

— Поехали? — спросил бригадир, терпеливо наблюдавший за нашими шептаньями.

— Поехали! — сказали мы оба в голос.

И кузнечиками прыгнули в повозку. Она у бригадира мировая, теперь таких не делают, дрожки называется. Езда в ней мягкая, как сон.

Чалый покотил легко, почти бесшумно. Сквозь тихую солнечную дрему мы летели к самому громкому своему приключению.

5. ВЫСШАЯ АРИФМЕТИКА

бригадир сначала остановился возле г дома, сказав:

— Заправка. В поле сазаны не вода Матери не было. Наверное, ушла в школу. У улей и летом дел хватает. На столе под газетой картошка и записка:

«Не подкачайте, воины. Николаю Петровичу будет трудно.»

Мы заглotalи еду, как утки, дергая шеями терпения. И через пару минут вернулись к др — Едем кукурузу кормить. С ложечки, — Петрович сквозь- сочные чмоки копыт. — К трактористу определяю!

Но с трактористом, по-моему, не повезло. Это был Витька Летов, которого за большую башку дразнят Головешкой. В прошлом году пришел из армии, однако ни разу не дал мальчишкам поносить армейский ремень со звонкой гнутой бляхой. И сам не носит.

У него вид какой-то злой. Голова круглая, как гиря, глаза мелкие, дырочками. Недавно женился, ждет квартиру, а правление тянет, не дает, хоть недавно два новых дома в селе построены. Вот Витька и злится.

Головешка посмотрел на нас, как на пару кислых недозрелых вишен, и бросил недовольно:

— Не возьму я их. Трактор подпалят либо взорвут.

— Перестань, парни серьезные. Если только с ними по-хорошему, понял?

— Ладно, — вздохнул Витька. — Давай, пацаны, один со мной, второй сзади.

Я оказался в кабине, Саня влез в гремучую железную прицепную тележку.

Поехали в дальний конец села. «Беларусь» мотал огромными колесами по сторонам, мотор выл некормленной псиной. Трактор, как и Витька, тоже злился на нас и будто хотел скинуть на обочину. Тележка укрылась тучей кудрявой пыли, и Саня, наверно, героически задохся там.

Летов остановил у склада:

— Грузить нитраты прокляты!

Вокруг, словно трупы, валялись мешки-целлофаны с надписью «Селитра». Из рваных дыр лениво сочились сыпучие мелкие белые градины.

— Такие не берем, пусть забирает, кто рвал, — распорядился Головешка, а мне сказал: — Ты, белобрыс, давай-ка брысь, слабачок еще пока.

Честное слово, я совсем не белобрысый, просто на солнце даже брови выгорели. Это все временное, летнее. Но я ничего не сказал против.

Витька с Саней хватили ношу за углы, кидали в тележку. Мешок шлепался с тихим шелестом в брюхе.

— Теперь к полю, — объявил Витька. — Аллюр три креста!

И врубил самую быструю скорость.

Мы проехали место, где ловили хвостунов, затем посадки. На краю большого кукурузного поля стояли два культиватора. Летов долго цеплял их вместо тележки. Потом показал, как засыпать удобрение в культиваторные коробки, куда смотреть.

И работа началась! Мы с Саней взлезли на подножки агрегатов. «Беларусь» ловко полз меж зеленых рядков, уже не вихлял, а клал мягкий ровный след. От коробок к земле свисали кольчатые драконьи хвосты, из них текли белые струйки селитры. Каждая тут же исчезала под валиком земли, тонко взрезанной и опрокинутой острым диском.

Получалось, будто белую ниточку зашивают глубоко под темное сукно.

Мы должны следить, чтобы эти ниточки-струйки удобрения не обрывались, на ходу чистить драконовские кольца, коль забьются. И еще поглядывать, чтоб рядки-всходы оставались целы.

После нас рядки из серо-зеленых превращаются в черно-зеленые. И над ними еще сильнее качается теплый воздух.

Вообще, от жары все поле движется гармошкой. Настоящий «волнисто-холмистый» рельеф, как в географии про наши места сказано. Боязно даже, что горизонт разорвется. Отцепленную тележку, когда удаляемся, начинает качать, словно в море. На горизонте кукурузные всходы сливаются, тележка тонет в зеленой пене. А когда возвращаемся, стоит снова целая и невредимая.

С каждым кругом мы раздевались все больше, наконец, остались в одних трусах. Я вдруг вспомнил, как мы выливали сусликов, и даже позавидовал их купаниям.

Солнце разморило и Летова. После пятого круга он остановил трактор.

Мы мечтали, что Летов даст поуправлять, но сразу просить было опасно. Начали с малого.

— Вить, можно завести? — нарочито спокойным, чуточку даже равнодушным голосом сказал Саня.

— А умеешь?

— Умею.

Недаром ведь в четыре глаза следили, что где включать и переключать.

— Давай, — милостиво разрешил Витька.

Саня сделал все, как положено, — и «Беларусь» заурчал послушным котенком.

— Ты смотри... — преувеличенно изумился Головешка. — А ну еще попробуй.

Саня выключил мотор, потом повторил все сначала — трактор почему-то на сей раз не завелся.

— Дай мне, — азартно сказал я.

Трактор у меня замурлыкал весело и быстро.

— Сейчас и у тебя не выйдет, — усмехнулся Витька. Я повторил — и правда. Трактор молчал, сколько я

ни давил на ручки и педали.

Мы были здорово сконфужены.

— Просто я одно заклинание знаю, — подмигнул тракторист. — Ай-цвай, хенде-хай!

Под эти дурацкие слова «Беларусь» завелся и деловито пополз на новый круг.

Через час Летов вывел трактор на обочину, поставил поперек солнца. Мы сели в тени большого заднего колеса, пахнущего теплой резиной и землей. Головешка вынул из-за сидения узелок, дал мятый бутерброд на двоих. Но мы ели неохотно, только Витькиного молока из бутылки выдули половину, пока он не отобрал.

— Храпим полчаса, — сказал потом Витька, лег головой к колесу и закрыл глаза.

Лежать без дела рядом с громадным механизмом невозможно, это как от цветного фильма отказаться. Мы тихонько поднялись с травы.

— Знаю, почему он не заводился, — шептал Саня. — Там где-то кнопка такая. «Масса» называется. Пока ее не включишь, ничего не получится.

— Нет там никакой кнопки, я всю дорогу смотрел.

— Спорим, — стоял на своем Саня.

И мы полезли в кабину, душную от солнца, теплых приборов и еще, наверное, от страха перед нашей на-стырностью.

Искали минут десять. Кнопка пряталась в стороне от всех панелей. Маленькая, невзрачная. Ни в жизнь не подумаешь, что от нее что-то зависит.

Правда ли это «масса»? Осторожно ключили — ничего не зажглось, не щелкнуло, не заурчало.

Но чуть я коснулся ручки управления, как трактор вдруг дико рыкнул, дернулся в конвульсии.

Витьку из-под колеса кинуло, будто семечко бешеного огурца. Лицо стало бледным, вроде как вылинявшим.

Мы слетели вниз почти в тот же миг, что и он из-под колес. Стояли по ту сторону заглохшего трактора, с ужасом ожидая, что дальше.

— Кто включал?

— Он сам завелся... — проямлил я.

— Иди, ударю только раз, — сказал Головешка. — Ты же виноват? Все честно.

Он ждал, напустив безразличный вид. Наверное, уже сердился на себя за испуг.

Я поколебался, подошел, подставил шею. Головешка стукнул по загривку ребром ладони.

Ударил в общем-то не больно, но так резко, что перед глазами все передернулось.

Вроде кто-то взял мир за уголки и, как наволочку, встряхнул.

Меня никто так не бил. Я снова отбежал, совсем по-детсадовски крикнув:

— Головешка!

— Ты ж меня чуть не переехал, — удовлетворенно сказал Витька. — В расчете. Больше не лезь к трактору.

Но слезы уже ели мне глаза, с ними ничего нельзя было поделать. Отчаянно пытаюсь их сдержать, я закричал еще громче:

— Головешка! Дурак, сквалыга!

Это было, конечно, очень глупо, совсем не походило на воина. И почему «сквалыга»?

Тракторист сразу потемнел:

— Пошел отсюда! И замахнулся.

Я кинулся наискось поля, к дальним оврагам. Там можно спрятаться от позора. Слезы воровски бежали по лицу. И я злился, конечно, не на Витьку, а на них.

Они текли без остановки, поэтому скоро вытекли до конца. Я успокоился так же быстро, как и заплакал. Главное, все справедливо. Значит, винить нужно лишь себя, а это неинтересно.

Овраги, куда я попал, широкие и старые. Постепенно переходят в балки, заросшие жесткой травой. В этом месте я был только раз, когда старшие ребята приводили нас сюда лазить по окопам.

Окопы режут низину поперек, ползут вдоль, переплетаясь между собой, упираясь в

воронки. После войны, как сказывал бригадир Петрович, поля были в таких дырках, что в одну свалился целый комбайн.

Тогда тут везде откапывали целехонькие обоймы. Сейчас же и каска немецкая не попадет. Кое у кого во дворе еще сохранились, из них собаки похлебку едят. А чтобы в поле валяться — давно уж нет, перержавели, как мозги без мыслей.

Все распаханно, только в балках остались фронтовые следы. Их сильно затянуло землей, и в самой глубокой воронке я еле смог спрятаться.

Спустился в низину. Сразу возвращаться к Летову нельзя, у меня же есть гордость.

Часа два провел я в окопах. Представлял, как отражаю атаки, бросаю гранаты. И время прошло, словно минута.

А потом прямо на меня выскочила из травы ящерка.

Она была серебристая. И даже на вид шершавая, будто сделана из брезента. Я кинулся к ней.

Ящерка живой иголкой вонзилась обратно в траву. Только зеленое колыханье над ней. Хвост бесшумно мелькнул в песчаной щелке.

Я копнул это место. Из стенки оврага скользнуло вниз что-то увесистое, упало в заросли мать-и-мачехи. Я пошарил рукой...

На ладони лежала мина. Совсем ржавая, но настоящая.

Не верилось своему счастью. Ну, с такой находкой можно возвращаться! Может, Витька и на тракторе теперь даст проехать. Любой бы дал, по-моему, за то, чтоб на мину глянуть.

Закутал ее в рубашку, понес к кукурузному полю. Не патрон, не осколок, а целый боезаряд! И взорвать можно, если потихоньку от взрослых.

Поле уже почти все черно-зеленое. Лишь на одном краю оставалось серое пятно. Там по-тараканьи быстро, туда-сюда, бегал «Беларусь» с пустыми культиваторами. Саня сидел на обочине у тележки.

— Что это он без тебя? — удивился я, подойдя к нему.

— Селитра кончилась, не хватило, — ответил друг. — На, закури, Головешка дал.

Курю я редко, через силу, никак не пойму, что за удовольствие в табаке. Но видно, это не удовольствие, а специальное такое самоистязание, чтоб видели, что мужчина все может выдержать. И поэтому я иногда тоже затягиваюсь. Однако сейчас отказался, опять спросил:

— Как же он без удобрения удобряет?

— Я думал, поедем за новыми мешками, а он сказал: сиди, тут чего осталось, не будем из-за этой ерунды снова на склад гонять. Вот, сижу, а он вхолостую ездит, рядки зачерняет.

— Во тип! — возмутился я, на мгновение забыв о мине. — А еще по шее бьет.

— Бригадир, — оживился вдруг Саня. — Глянь, как Головешка струхнул.

Витька погнал трактор вовсю, словно самолет по взлетной полосе. Не хотел попадаться на поле с пустыми культиваторами, целил раньше бригадира подъехать к нам, чтобы замести следы.

Удалось.

— Ну, пацаны, по червонцу сегодня заработали! — крикнул, вылезая из кабины.

Не спросил меня ни о чем, только мигнул обоим и приложил черный палец к черным губам. Бригадир сразу спросил:

— Что ты с такой прытью по всходам?

— Удобрение последнее, хотел до конца рядка дотянуть. Точь-в-точь хватило.

— Да у тебя вроде и на подножке не стоял никто... — продолжал с сомнением слегка подслеповатый Петрович.

— Как не стоял? У Сашки, смотри, еще и пыль на ушах не остыла.

Бригадир покосился на Саню:

— Дымишь? Я думал, ты вырос. Нонче хлопцы в первом классе курить начинают, а в третьем уж бросают. Один ты все не взрослеешь.

Саня даже обжегся от стыда. Что ни говори, а Петрович умеет высмеять!

Бригадир опять повернул голову к Летову:

— Как они, справляются?

— Молодцы пацаны, — заспешил Головешка. — Я с ними все поле подкормил. Полкруга осталось. Сейчас смотаем за новыми мешками и кончим.

— На складе не очень копайтесь. Ишь, целые выбираете, а дырявые раскидали. И вчера после тебя, Ле-тов, так было.

Видя, что опасность миновала, Витька вернулся к обычному грубоватому тону:

— Хату дайте, а потом за работу спрашивайте.

— Играй свою пластинку наоборот: работать научись, потом права качай, — дернул усом бригадир. — Ладно, пишу вам наряд, ничего не скажешь, и впрямь молодцы.

— Ну, айда за мешками, — весело кивнул нам Витька. — Чья очередь со мной в кабине? Сашкина?

Я представил, как буду трястись в пустой тележи-ще с раздолбанным дном и гремучими бортами. Чего доброго, моя мина еще рванет от такого неуваженья.

И вообще — то, что не успел посоветоваться с другом, очень осложнило дело. Может, мину стоило закопать где-нибудь здесь, а потом прийти за ней без взрослых. Но теперь о том думать поздно. Надо лезть в трясучую колымагу, состоящую из четырех колес и полутонны грохота.

Тут, к счастью, Петрович решил тоже ехать на склад, чтоб показать, где лучше грузить удобрения, все равно по пути. Я набрался смелости и сел в мягкие рессорные дрожки:

— Дядь Коль, можно с вами?

— А чего же, — разрешил бригадир. — Только Чалого за хвост не дерни. Он и так на тебя спозаранку обижен.

Подвинулся, дал место поудобнее.

— Чего в рубахе несешь, ежа, что ль? Ага? Мне бы лишь головой кивнуть... А я брякнул:

— Не-е, это... секрет.

— Ах, секрет! — утренним голосом вскричал бригадир и пыль возмущенно взвилась с его усов. — Опять что придумали? Покажь!

Схватил у меня с колен рубаху и развернул. С ним будто столбняк приключился. Неподвижно смотрел на мину, потом прошептал:

— А ну... кыш.

— Это мое, — заныл я, протянув руку. Не хотелось вот так бездарно расставаться с редкой штукой. — Мое, отдайте...

— Но! — цыкнул бригадир, загородив мину оттопыренным локтем.

Дрожки дернулись. Это Чалый, слыша «но!», справедливо решил, что пора трогать.

Бригадир неловко взмахнул руками. Мина резвой бородавчатой жабой выпрыгнула из пальцев.

Петрович кинулся за ней, как вратарь за мячом, цапнул мертвой хваткой. В полете весь извернулся, будто я чужой форвард и могу выбить у него этот «мяч».

Подмяв мину под себя, он грузно пал на сиденье. Конь ровно и неспешно брел вперед. Ухо и щека бригадира стали в цвет встречных белых ромашек.

Витька с Саней увидели у нас неладное. Тракторист подбежал, остановил Чалого. Тут бригадир закричал:

— Пошли отсюда, так вас!

— У него мина... — сказал я упавшим голосом, поняв, что теперь наверняка опять

попадет.

Витька, одеревенев лицом, утащил нас за трактор.

Небо во всю свою глубину сияло чистотой, птички свистали о всеобщей любви к этому вечному бездонному небу.

Бригадир лежал в повозке две тревожных минуты, долгих, как сама жизнь. Затем приподнялся и боком — тихо-тихо — стал сползать на землю. Когда дрожки качнулись, замер. Наконец выпрямился, шагнул к коню, стал распрягать, путаясь в постромках и весь дрожа от возбуждения. Мы вышли из-за трактора.

— Не подходить! — зло зашипел бригадир. — Летов, бери обоих — и в правление. Сейчас же звоните в район.

Таким я его не видел. Белизна медленно сходила со щек, но руки продолжали мелко трястись, как под током.

Витьке передалось его напряжение. Он суетливо подцепил тележку, загнал нас в нее и воткнул полный тракториный газ. По пути оглядывался, словно боясь, что выпрыгнем на ходу.

У правления Летов проводил нас к крыльцу.

— Ты эту мину откопал в овраге? — спросил возле двери.

— Да, — сказал я.

— И с ней через все поле шел? Чего ж она не взорвалась?

Я пожал плечами. Тогда тракторист обнажил железный, как у передовой доярки, зуб и засмеялся:

— Во, а Петрович сдрейфил! Она, небось, давно отсырела. Все равно теперь, что болванка.

Председатель ругался с телефоном и рукой указал сесть и не мешать.

— Не поеду я на ваше совещание! — вопил он на трубку. — Вы у меня вот где со своими совещаниями!

Красный от натуги, он стал похож на вошедшего в раж индюка с Колькиного двора.

Наконец повернулся к нам, но телефон опять застрочил.

— На проводе! — снова крикнул председатель поднесенной к уху большой черной трубке.

Послушал — и горестно так вздохнул, словно ему сейчас получать укол под лопатку.

— Вашими сводками дорогу бы устлать, гладкая получилась бы, — сказал утомленно.

— Ну, пишите: подкормлено девяносто процентов кукурузы.

И швырнул трубку.

— Ты как раз там сегодня, — оборотился к Витьке. — На сколько дней еще работы?

Летов важно сдвинул брови, будто подсчитывая:

— Мы сегодня самое главное поле закончили, возле оврагов.

— Удальцы, — и председатель кивнул на телефон: — Не намного, значит, я им соврал. Ну, с чем вы, по какому делу?

Витька подвинулся к нему вплотную, стал шептать. Пред схватил ручку телефона, завертел, как у мясорубки, завопил пуще прежнего:

— Мне райком! Иван Павлович, срочно сообщи в воинскую часть, у нас детвора заряд выкопала.

Выслушал ответ, буркнул еще что-то и подхватился потным живчиком:

— Ну, гольцы-удальцы, оставайтесь за меня. А мы с тобой, Виктор, кой-куда смотаем. Мария Кузьми-нишна!

Тут, сдирая с губ шелуху, вошла Колькина бабка. Семечки ее совсем косноязычной сделали. Работает счетоводом, а говорит как неграмотная. На пенсию не идет. Успеваает и поросенка, и индюков накормить, и Колюха с Зойкой пострацать, а после еще и в правлении высидеться, пощелкать счетами и семечками.

Она сразу уставилась, точно удавица. Забыв про семечки, кургузыми руками всплеснула:

— Снова бедокурют? Как не стыдно, куда мамки смотрят.

— Ничего они не сделали, — осадил пред. — Но ты их, Кузьминишна, стереги, пока вернусь. Нужны будут.

И вышел с Витькой, не ведая, чем обернется это злосчастное «стереги».

— Вас Колька всей день ищет. Шныряет то на пруд, то по домам... А вы штось утворили.

— Работали, — значительно сказал Саня. — Вас еще заставят зарплату нам считать.

— Ух ты, — бабка отступила на шаг, взаправду удивившись, но не надолго. — И наработали. Сперли с трактора штось?

Мы презрительно молчали. Военную тайну председатель бабке не поведал. Притом, выходит, найти мину считается у взрослых хуже, чем стащить запчасть. Сразу в район позвонили и конвой приставили.

Не добившись больше ответа, бабка сказала:

— Ладно, ничего не трожь. Я замкну вас, мне тоже работать надо.

И вышла, шелкнув замком, словно семечкой. Мы получились настоящие пленные.

— Как нашел мину? — устало спросил Саня. Я рассказал про ящерицу.

В сумрачном, пахнущем скукой председателевом бункере просидели минут сорок. Потом в окно стукнули. Во дворе стоял Колюх и, как белым флагом, торопливо махал клочком бумаги. Саня открыл скрипучую форточку.

— Второй день вас ищу, — счастливо зашептал Колюх. — Сейчас к бабке прихожу, а она говорит, вас закрыли... Гляньте, вчера в тайнике было.

И снизу подал бумажку. На ней караули. Еле-еле разобрали скачущие буквы: «Все наше. Будите лезть в землянку, дадит по мордам».

— Это Мотькин почерк! — воскликнул я. — Я видел его тетрадку.

— Мотька? — испуганно чирикнул Колюх. — Откуда он узнал?

— Нашу карту нашел, — сказал Саня. — Я во всем виноват.

— Ничего ты не виноват, — возразил я и как можно более грозно спросил у Кольки: — А конфетные обертки у землянки? Такие конфеты только вы ели.

— Зоя Мотьке две штуки дала, когда вы у него выиграли, — виновато заморгал пухнатыми своими ресницами Колюх. — Чтоб не расстраивался... Не верите мне?

— Верим, — убито ответил Саня. — Точно. Я в тот день карту в карман сунул. На футболе и выронил.

С минуту обдумывали ситуацию. Саня спросил Кольку, преданно ожидавшего распоряжений:

— Можешь у Кузьминичны ключ стащить?

— Попробую, — Колюх тотчас исчез.

Мало веры, что ему удастся открыть нас, но и другого ничего не оставалось. Сиди и жди.

От безделья разглядывали на столе таблицы и цифры в колонках. Колонок было много. Будто тут, как в третьем классе, решают задачки в столбик.

— Видно, у председателя ответы не сходятся, — сказал я. — Слышал его ругань?

— Какие ответы? Это что тебе — арифметика?

— Вон сколь понаписано. Мать называет сельское хозяйство высшей арифметикой. С виду просто, а ни один профессор сразу не разберется.

Смотрели в окно, плюща носы о прохладные стекла. В самом нижнем квадратике испуганно задрезжало.

Этого было достаточно! Когда пришел Колюх, конечно, так и не сумевший умыкнуть ключ, план уже родился.

— Тут стекло качается, — севшими от внезапного волнения голосами разом сказали мы сквозь форточку. — Попробуй гвоздики вынуть.

Гвоздики выскочили из старой рамы легко и радостно. Через минуту стекло покойно пласталось в руках у Кольки, а в окошке черным колодезным квадратом зияла дыра. Она была узкая. Пролететь мог лишь я, самый худенький из нашей тройки.

Окна кабинета выходят в парк. И никто не увидел, как я вылезал. Саня высунул из бункера голову ко мне на свободу:

— Вов, царапнуть начальству писульку?

— Про что?

— Напишем, что пусть поучится врать у Витьки. Головешку же надо проучить?

— Надо, — согласился я. — Он этот... каннибал. Хи-

мичит, а коровам зимой силоса не хватит. Каннибал он, точно.

— Правильно, кабан, — кивнул и Колюх.

Саня сочинил записку, положил председателю на стол, потом сказал:

— Пора. Применяем вариант номер один. Посмеиваясь, я пошел к Кузьминичне. Отворил

дверь и спросил через порог как можно вежливей:

— Извините, а вы не видели Саню?

Бабка выпучила глаз, схватилась за сумку с ключом. Конечно, ключ был на месте. Тогда Кузьминична, как мы и полагали, кинулась к кабинету, отомкнула его. Дверь распахнулась.

Саня сидел за шкафом: пусть бабка думает, что мы сбежали оба. Так и вышло. Бабка как увидела, что кабинет пуст, сразу повернулась догонять меня.

Нам того и надо. Когда счетоводша, уже далеко не удавица, а жалкая рыхлая сороконожка, семенила ко мне на крыльцо, Саня спокойненько скользнул за дверь, дернул ключ из замочной скважины и за спиной бабки прыгнул с крыльца.

Саня и я на глазах бессильной крикуньи победно мелькали меж деревьев в разных концах парка.

— Колька, не приходи домой, змей! — пенилась бабка. — Это ты их выпустил!

Она еще не знала, что лишилась ключа, а председательский бункер вновь защелкнут.

Колюх бежал с нами. Вновь обретенная дружба для него была главной родственного гнева.

6. УДАР ПЯТКИ

Ю... ешили тотчас отыскать Мотьку. План захвата прост и строг: рассыпаться по селу — и кто найдет Мотьку, любым путем заманивает его на место Икс. Через полчаса наша армия здесь соединяется, и тогда этот наглец предстанет перед военным судом.

Однако судьба распорядилась иначе. Едва выскочили из тесного парка на широкий оперативный простор, как наткнулись на маму.

В другой раз я бы только козырнул и пронесся мимо. Она всегда понимает, что я занят. Но после вечернего разговора нельзя было разминуться просто так.

Наши ноги-копытца послушно замерли. Мама приветливо улыбалась.

— Как дела, кукурузники? — спросила лукаво. Друзья, разглядывая пепельную дорожную пыль,

почтительно молчали, уступив мне право ответа.

— Ой, мам, у нас такое получилось! — залопотал я от радости, что все вчерашнее в

прошлом, что все прощено. — У нас такое вышло!

И залпом выложил про мину и даже что бабка нас примкнула... Не пойму, зачем про нее-то сказал?

Мать сначала побледнела. Потом лицо ее понемногу разгладилось, стало почти пренебрежительным:

— Значит, на вас надеются, а вы сбежали? Бригадир не побоялся с миной остаться, а вы трусили?

— Он сам еще как трусил! — в отчаянии от такого поворота запротестовал я. — Видела бы, как он в дрожках упал! А Витька аж за трактор сбежал.

— Дай мне слово чести, — твердо проговорила мать, — что сейчас же вернешься и дождешься председателя.

Я выдавил растерянно:

— Хорошо... Даю слово чести.

— Вот и молодец, — подобрела она. — Неужели вы не понимаете, что нужны показать, где нашли мину!

— Правда? — протянул Саня, обескураженный столь простой отгадкой. — А в милицию нас не сдадут?

— Нет, — засмеялась мама. — Ступайте смело.

И мы вернулись — той же тропой, через парк, стихший в недоумении: победители идут сдаваться...

Мы вошли в правление. У запертого кабинета пунцовый председатель распекал пунцовую счетоводшу. Он яростно стучал себя по темени, и темя в тон отзывалось.

— Пришло же в голову: пацанов на запор!

— Так бы еще раньше сбежали, — плаксиво сипела бабка. — Из-под замка удрали, шпанюки, а в открытую дверь бы и подавно... Знаю я того Вовку.

Она меня особенно не любит, я для нее вроде соседского бычка на лужайке: так бы и пнула в бок, чтоб не мозолил глаза, не раздражал своим существованием.

Тут пред увидел нас и протянутый Саней ключ:

— Что я говорил. Это ж отличные ребята.

И расхохотался, такой потерянный вид был у бабки, у этой вредины. Витька тоже хихикал, правда, как-то слишком взбудораженно.

Председатель отпер кабинет и первым делом увидел Санькину записку. Присвистнул:

— Виктор, это тебя касается.

Витька прочел и весь обмяк, как гнилая тыква. Не стал ни ругаться, ни оправдываться. И на нас, съезжившихся, не глянул.

Зато пред смотрел с явным весельем. Словно был безмерно доволен нашим советом учиться врать у Летова.

Под окном заурчал чужой зеленый грузовик. Дверь скрипуче открылась — вошел настоящий военный с маленькими чешуйчатыми звездочками на плечах. Погоны оказались вовсе не такими гладкими и красивыми, как на картинках. Они даже изогнулись, будто хлебные корочки от жары.

И все-таки командир был вполне смелый, он сразу сказал:

— Здравия желаю! Готовы к обезвреживанию боезаряда, просим указать местонахождение.

Пред старательно потряс руку офицеру, кивнул на нас:

— Они укажут.

Офицер сдвинул брови и подмигнул:

— За мной шагом марш, орлы!

Нас погрузили в военную машину, повезли на кукурузное поле. В машине сидело четверо солдат. Они тоже не походили на нарисованных, которых я люблю смотреть в

книжках. И даже на тех, что в телевизоре. Пилотки сняли, ремни, пуговики расстегнули и постоянно смеялись.

Один надел свою пилотку на меня. Она была большая и по краям прохладная от пота. Да и так видно, что солдатам жарко: гимнастерки аж дымились. А тот, что дал мне пилотку, снял и сапоги и теперь блаженно шевелил пальцами ног.

Но едва показались дрожки, солдаты сразу перестали смеяться, застегнулись и взяли длинные железные палки, как у пылесосов.

Бригадир лежал в мураве, мурлыча свое «рожь шумит, качается... а почему?» Чальный нехотя пощипывал зелень. Как только он вострился к дрожкам, Петрович его отгонял.

— Здравия желаю, — сказал офицер.

— Ага, — ответил Петрович.

Командир осторожно, будто к младенцу в люльку, посмотрел в повозку:

— Германская штучка. Который ее принес?

— Вот этот, Вовка, — кивнул бригадир.

— Веди, беленький, — подтолкнул меня в спину офицер, ладонью вытер со лба мутный от пыли пот, обернулся к солдатам: — Иванов и Павлов — за мной.

Два солдата пошли с нами к прыгающим на распаренном горизонте оврагам, а двое остались по бокам дрожек. Они проводили нас взглядами, потом сели на траву — каждый со своей стороны. Будто и приехали из части только за тем, чтоб беззаботно поваляться на свежем воздухе.

Когда я показал сыпучую щель, где пряталась ящерица и откуда выпала мина, офицер крепко схватил меня за локоть и оттащил в сторону:

— Ну, хвалю! Теперь домой.

— Есть, — ответил я. — А вы ее скоро взрывать будете?

— Потом услышишь. Бывай, Вовка.

Солдаты нацепили наушники и сделались смурными. Они водили миноискателями по мясистым лопухам, а сами все хмурились.

Я тоже, когда пишу контрольную, становлюсь хмурым от сосредоточенности. А у саперов задача посложней любой контрольной.

Я выбрался из оврага и пошел назад. Бригадир уже сидел на Чалом. Он посадил на коня и Саньку, а мне крикнул:

— Давай, кто быстрее!

Я борзым щенком побежал за его старым, выцветшим, серо-розовым конем. Солдаты возле повозки шутили вслед. Мина лежала на отцепленных дрожках, казалось, всеми забытая. Но солдаты не вставали со своих мест, помнили. Хорошие все-таки наши солдаты. Получше, может, чем легионеры. Добрее. И веселей.

Когда на полдороге бригадир вместо Саньки посадил на Чалого меня, я спросил:

— Дядь Коль, а почему они мину не развинчивают?

— В их деле спешить нельзя, — ответил он. — Сапер ошибается только раз. Слышал эту поговорку?

— Да, — я оглянулся на оставшихся далеко позади саперов и подумал, что они вдобавок еще и смелей римлян. Наверняка.

Ехали не спеша. Конь иногда наклонялся за травой. Его жесткая коричневая грива круто уходила вниз. Тогда я упирался в нее руками, чтобы не свалиться вперед. А Чальный мотал ушастой башкой, косясь на меня. Видно, вспоминал шальное утро и недоумевал, что бригадир позволил такому нахалу ехать верхом на своем коне.

У входа в рощу маялся понурый Колюх. Конечно, ему очень не повезло. Не работал на тракторе, не увидел немецкую мину, не прокатился с солдатами.

Колюх стоял по делу. В нем опять, как рыба в садке, трепыхалась какая-то жирная

новость. Он подавал неясные знаки.

Бригадир сказал мне:

— Слазь. Видать, что-то у вас на сегодня еще не выполненное осталось.

Облегченно храпнув, Чалый галопом унес его к селу. Колюх тут же сказал:

— Я только что видел Динку.

— Это кто, приезжая, что ли?

О существовании городской девчонки мы, честно говоря, за этот день забыли.

— Она хочет с вами познакомиться. И особенно с тобой, Санька.

Я, немного оскорбленный, съязвил:

— «Особенно с тобой»! А у Молтаво она разрешенья спросила?

— Не знаю. Говорила, что скоро придет на пруд купаться. И чтобы я вас привел.

Особенно Саню.

— Надо же! — еще больше оскорбился я.

— А что? — сказал Саня. — Искупнуться все равно надо. Пускай приходит, правда, Вовка?

Я независимо пожал плечами:

— Пруд большой, места всем хватит. И мы отправились на место Икс.

К исходу дня перестаравшееся солнце сплавило землю с небом воедино и само беспомощно горело в этой топке. Погасить жгучую атаку лета могла только вода.

Окунулись уже раза по три, когда к нам подошла Динка. Она сегодня была не в брюках, а в синем халатике выше колен, и босиком, как мы.

— Здравствуйте, мальчики, — сказала она одному Саньке, скуластому, стройному нашему жожаку. — Меня зовут Дина. А тебя Саша?

— Да, — ответил он, приподымаясь с песка. — А его Вовка.

— А меня Вовка, — глупо повторил я, тоже вскакивая.

— Будете еще купаться?

Дина сняла халат и ступила в воду.

Я первым пошел за ней, хоть уже клацал зубами от купания. Саня обогнал меня, бросился ласточкой с обрыва. Здорово он умеет прыгать — вниз головой, по высокой дуге. И в воду входит почти без брызг.

Я, в общем-то, тоже так умею. Однако после дружка прыгать уже не хотелось. Мы с Колькой остались на берегу, наблюдая, как Саня с Диной плывут на середину пруда.

Потом Колюх кинулся их догонять, а я так и стоял на берегу неприкаянный. Ребята фыркали возле Дины, будто ручные моржи, она смеялась, ахала.

Скоро они вылезли и обдали меня противными холодными брызгами.

— Мне было очень скучно, — говорила эта нездешняя и обликом, и манерами девчонка, она улыбалась и, выжимая волосы, поднимала вверх тонкие руки с прожилочками. — Думала, наконец-то мама уехала, теперь хоть босиком побегаю. А Коли и Зои, как назло, целый день не было.

— Твоя мать уехала? — спросил, тоже улыбаясь, Саня.

— Да, сегодня утром. Ей надо... машину отремонтировать.

Воспоминание о поруганной машине сразу сбilo с Саньки уверенность. Он покраснел, будто спираль электроплитки. Дина заметила и сказала о вчерашнем просто и естественно:

— Ой, вы не пугайтесь, мальчики. Я так смеялась! И притом, машина не мамина, а одного знакомого, которого я не люблю.

— Заливаешь, — сказал я изо всей силы пренебрежительно.

— Нет. И дедушке он не нравится. Так что дедушка тоже вас почти не ругает.

Вдруг ее желтоватые глаза блеснули. Динка хлопнула в ладони, воскликнув:

— А пойдёмте сейчас на пасеку! Там моя порция меда стоит нетронутая.

— Нет, к Молтаво мы ни за что не пойдем, — ответил Санька внушительно. — Мы враги.

Динка немного подумала и сказала:

— Так дедушки же нет сейчас... Ну идемте, мальчики, милые, я вам покажу, как я устроилась!

Она умоляюще смотрела на Саню. Было видно, что он сейчас сдастся. Так уже окрутила его эта городская.

— Если минут на десять, — сказал он, начиная одеваться.

И меня даже не спросил.

Я хотел отказаться, не идти. Но что-то во мне помимо моей воли уже решило: пойдешь, никуда не денешься.

Эта пара любезная шла впереди, как коронованная чета, а мы с Колькой плелись сзади, будто жалкие пажы.

Топали по гладкой тропке, впервые входя во владенья Молтаво не через погранкоридор. Страшновато было стоять во весь рост в резиденции самого грозного своего противника.

— Деда, я привела мальчиков! — торжествующе крикнула Динка.

Мы оцепенели. Такого коварства никто, даже хитрован Колюх, не ждал.

Лучше всего было дать тягу. Но Саня не шевельнулся, только выше поднял черную вихрастую голову.

Из деревянного, источенного жучком домика вышел Молтаво. Он был в майке. Я не предполагал, что он так изранен на войне. Его худые плечи и грудь казались еще белей на фоне морщинистых шрамов, розовые щупальца которых выглядывали из-под майки, заползли даже на шею пасечника.

— Вот это, мол, гости! — сказал Молтаво. — Не прогадала, внучка. Самые боевые парни в селе.

Динка провела всех под толевый навес и поставила перед нами миску с тягучим медом. Молтаво дал мягкую початую буханку, кувшин с водой.

— Ну, таво, — сказал весело. — Налегай, кавалеры.

Колюх первым приступил к дипломатическому ужину. Взял кусман хлеба, окунул в миску. Краюха даже не хотела лезть. Мед тек с нее душистой сказкой.

И мы стали есть. Медом пахли деревья, ромашки, стол, воздух, листва.

Девчонка, макая корочку, каждый раз смотрела на Саньку. Он не выдержал столь явного внимания и сказал:

— А Вовка нынче мину нашел. Ее сейчас саперы разряжают в оврагах. И другие ищут, там, где Вовка указал.

— Правда? — расширила Дина медовые глаза (они тоже были медовыми), впервые посмотрев на меня как на человека, а не как на пустое место. Я аж поперхнулся от удовольствия.

— Бедовые хлопцы, — крутнул дед голову, пушистой, как у младенчика. — Вот бы, таво, ветряк помогли отладить...

Мы оторвались от лакомства. Молтаво продолжил до странности жалобно и тихо:

— Вы там все переколотили, дырок в полу наделали. А в омшанике тесно, варотоз прямо замучил. Думал в ветряк на зиму все ненужное сложить.

Про варроатоз я слышал. Эта болезнь с пчелами приключается от сырости и тесноты. Но не знал, что именно из-за нее пасечник в ветряке обосновался. Мы считали, он нарочно его занял всякими там рамками и пустыми ульями, дабы показать, что ветряк теперь не наш. Во глупаки!

Мы сидели, опустивши головы. Прилетели две пчелы, стали монотонно зудеть вокруг стола. Потом, как штурмовики, разом спикировали на Динку.

— Вай! — крикнула она. — Деда, спаси! Молтаво взял из угла дымарь, дунул им на пчел.

Ничего не дунулось, только сбоку выползла худенькая ветка дыма.

— Последний порвался, — досадливо крикнул старик и пальцами снял пчелу с внучки. У нас спрятан один такой трофей. Его я прихватил в тот памятный отвлекающий маневр у ветряка, чтоб Молтаво уж точно погнался за мной.

— Сейчас принесу дымарь из нашей землянки.

— У вас есть землянка? — знакомо всплеснула ладошками Динка. — Как интересно.

— Жалко, теперь разломана, — пробурчал Колюх, пуская изо рта медовый пузырь.

— Да, — сказал Саня. — Мотька ее раскопал. Мы с Вовкой на вас думали, поэтому и машину развинтили... Извините.

— Побегу, — я поспешно вылез из-за стола, не желая участвовать в разговоре про машину.

— Можно с тобой? — просительно вдруг проговорила Дина, тоже встав.

Я пожал плечами, мне совершенно безразлично:

— Землянка все равно рассекречена... Только я быстрый.

— Ну, скачите, — сказал Молтаво. — А остальные мне улы осмотреть помогут.

Он достал с полки три пчельных шляпы с тонкими и густыми, как мелкий осенний дождь, сетками.

Мы с Динкой исчезли в кустах. Она умела бегать, я понял сразу. Включил крайнюю скорость и нарочно летел сквозь самые заросли, но городская бегунья не отстала ни на шаг. Лишь у цели припала к траве, бессильно шепча:

— Подожди, отдышусь... Исцарапалась.

Одно слово — девчонка. Хоть и упорная.

Залезли в землянку. Хворост крыши был разворочен, но не совсем. В сухом дальнем углу по-прежнему уютно и таинственно, словно в древнем гроте.

— Вот это да! — восхищалась Дина. — Все лето здесь прожила бы.

Я хмыкнул. Побыла бы тут одна ночью, как Саньке приходится.

— И вы поверили, что мы можем разрушить такую прелесть?

— Подумали на вас, когда увидели обертки. Динка вспыхнула:

— Кто первый подумал — ты или Саша? Я хотел сказать, что Санька, но ответил:

— Оба сразу подумали.

— А кто землянку затеял строить — ты или Саша?

— Вместе, — сказал я недовольно, чуя, что настроение у меня опять портится.

Минуту назад я ощущал себя героем в глазах прекрасной гостьи, а она, зная, только о Сашке и мечтает. Он отличный мальчик, но почему ни о ком другом и поговорить нельзя?

Тайник был цел, он чуть в стороне от землянки. Я взял из него прохладный, пропахший мхом дымарь, подал девчонке. Можно было идти обратно.

— Стой! — раздалось вдруг из кустов. — Попались, жених и невеста.

На площадку азартно вылез Мотька. Мы застыли от неожиданности.

С Мотькой стоял здоровяк, мятый, как плюшевый орангутанг в нашем сельпо. Этот волосан учился в ПТУ, а в село приехал на каникулы. Мотька везде с ним ходит.

— Видел мою записку? — спросил Мотька. — Читал, что дам по шее, если придешь?

Он был очень нахален при лохматом. Тот тоже подал голос:

— Ты, Моть, потолокуй с пацаном, а я пока с девочкой прогуляюсь.

И вперевалку, как правдашний орангутанг, подошел, с ужимкой протянул к Динке руку.

У меня от ненависти даже в затылке шевельнулось. Деревья куда-то сдвинуло. Я бросился вперед:

— Отойди от нее!

Чужак лениво повернулся...

Зеленый огонь вспыхнул передо мной. Голова мотнулась назад — лохматый засветил мне кулаком под глаз.

Выставив обе руки, я кинулся на него. Хотел впиться всеми пальцами и умереть, не разжимая их. Сзади своей потной пятерней меня ухватил Мотька.

И здесь раздался странный скрипучий вопль. Так резко кричит только заполошенная птица иволга перед дождем и еще кошка, дернутая за хвост. Но это была Динка.

Она крикнула «кья!», крутнулась на пятке и смачно лягнула лохматого. Верзила легко, с какой-то даже готовностью покатился под гору, в ручей. Мотька враз отпустил мое плечо.

Мы с ним обалдело смотрели на Дину и на то, как волосан барахтается в топкой жиже.

— И тебе? — спросила Дина Мотьку, беззвучно двигавшего полными губами.

Чужак все не мог вздраться на сухое, держал себя за вислый живот и корчился. Было ясно, что вражья армия деморализована.

Из кустов вылетели мои друзья. Видно, услышали Динкин боевой клич. Саня все понял, подошел к губастому Мотьке. Тот сразу сказал:

— Это не я тут ломал, это он, — и кивнул на чужака. — Я только карту нашел.

— Ты нашел, ты и землянку исправишь, — бросил Саня.

— А к себе примете? — спросил вдруг заискивающе Мотька.

Саня презрительно усмехнулся. Но Дина сказала:

— Примем. Только все исправьте и карту верните. Мотька достал из кармана карту, протянул — причем, не Саньке, а Дине.

— Завтра землянка должна быть как новая, — сказала она и пошла к пасеке.

И мы, все трое, все Три Звезды, безропотно двинули за ней. Противники молча смотрели вслед.

Между тем глаз мой катастрофически быстро заплывал. Казалось, он стыдливо хочет прикрыться щекой, утонуть в ней, как луна в облаке.

— Где научилась так драться? — спросил я.

— Мама тренер, — ответила она.

— По самбо?

— Это не самбо, а каратэ. Запретная японская борьба. Меня научил мамин друг, оба тренируют гимнастов, но он еще и тайный каратэист.

— Тот, на чьей машине мы ездили? — спросил Колюх.

— Да.

— Ты же говорила, что не любишь его! — воскликнул я.

— Не люблю. Мама любит, а я нет. Этот супермен, кроме своей азиатской борьбы, ничего знать не хочет.

— Если знать такие приемчики, то ничего больше и не нужно, — сказал всеми обижаемый толстун Колюх.

Дина повернулась к Саньке:

— Ты тоже так считаешь?

— Нет, — уверенно ответил он.

— И правильно. Я даже к маме стала хуже относиться. Она влюблена в пустышку.

Мне подумалось, что я для Динки тоже пустышка. Притом, с подбитым глазом. Я остановился и сказал:

— Вы, конечно, все умные, а мне домой надо.

— Чего ты, Вовка? — проговорил удивленный Саня.

— Ничего, — отмахнулся я. — Пойду к глазу примочки ставить.

— Ладно, мы к тебе вечером заглянем, — сказала Дина почти равнодушно.

И они пошли на пасеку, а я, побитый и унылый, свернул к дому.

— Боже! — ахнула мать, увидев мою физиономию. — Сто бед за день. Чему же ты радуешься?

Рот у меня и впрямь в этот момент был до ушей — от смущения. Посмотрел на себя со стороны, глазами матери.

— Mam, а Динка классно дерется, — ответил я.

— Неужто это она тебя так изукрасила?

— Нет, это мордovorot из ПТУ. А Дина ему как даст приемом!

Мать покачала головой, приложила к синяку холодную ложку:

— Значит, вы с Сашей уже себя защитить не можете?

Я вздохнул, отвернулся, сосредоточенно глядя ложкой ушиб. Кожа на нем была дряблой и липкой, как у груши-падалицы на вмятинке.

— Что с тобой, Вовка? Где же был великий Цезарь — твой лучший друг Сашка?

И я сказал неожиданно для себя:

— Mam, почему про него сейчас думать не хочется? Такого никогда не было.

Мать посмотрела очень внимательно. Она иногда умеет чересчур внимательно смотреть.

5 Заказ №7611

— Да, это действительно странно.

— Санька сейчас с Диной на пасеке.

Мама опять молча посмотрела, затем проговорила совсем другим голосом:

— Кажется, понимаю, что это. Простое человеческое чувство. Зовут его ревностью.

— Еще чего! — возмутился я.

Будто мама открыла какую-то форточку во мне, которую я сам от себя загоразживал занавеской, боялся даже мысленно выйти на этот сквознячок правды. А мать продолжала:

— Не пугайся, не так все плохо. Ревность могучее чувство, хоть и коварное.

— Почему?

— Кто ревнует, тот любит. Но если ревности дать волю, она убьет самую большую любовь. Не то что обычную мальчишечью дружбу...

Замолчала. Я понял, о чем она думает. Об отце, который когда-то так и не вернулся из города. И неизвестно, чья ревность тому причиной. И чья любовь. А может, причина совсем иная.

Я минуты две прикидывал, как ревность будет убивать нашу с Саней дружбу. Не сумел представить, но все равно получалось скверно.

— Ну нет, — сказал я. — Нашу дружбу эта твоя ревность не разобьет ни за что.

— Не моя, а твоя, — улыбнулась мама. — Она твоя, и борись с ней сам. Только победи ее обязательно...

За селом раздался грохот, упругий и гулкий. Словно огромным кнутом стегнули по огромной железной бочке.

— Мина! — подпрыгнул я в восторге. — Вот саперы ее наконец и взорвали.

И я вспомнил прошлый разговор о новом летоисчислении и торжественно, как оракул, поднял руку:

— Мина, изготовленная доисторическими темными силами, теперь не опасна! В новой эре войн не будет!

Но мама побледнела, испуганно прислушиваясь.

— Ну чего вы все пугаетесь, — сказал я. — И бригадир сразу на повозку упал. Да еще от меня мину закрыл, чтоб я ее не взорвал.

— Ах ты, глупыш... — тихо-тихо уронила мама. — Ведь он не ее от тебя, а тебя от нее закрывал. Собою.

Приложила тонко вздрагивающую ладонь к лицу и беззвучно заплакала.

Я подошел к ней, виновато обнял:

— Хочешь, никогда не пойду к оврагам? И даже мимо того поля ни разу ни за что не пройду.

Она вытерла веки, улыбнулась:

— Не получится, Вовка. Завтра вы с Сашей опять поедете туда. Будете подкармливать ту же самую кукурузу, на том же поле.

— Кто сказал? — разинул я рот.

— Этот парень, как его зовут... Витя, тракторист. Только что приезжал к нам. Просил, чтобы вы его ждали к семи утра.

Я забыл и про мину, и про подбитый глаз. Головешка сам просил? После того, что мы с ним сделали? Непонятно все это и как-то фальшиво — вроде слез крокодильих или грозы февральской, или доброй Яги.

— Мам, а Витька был... не очень злой?

— Он был веселый. Ему сегодняшней зарплатой не засчитали, но зато дают, наконец, квартиру.

Все стало ясно. Вот почему он так застыдился, ког-

да председатель показал ему нашу насмешливую записку.

— Виктор говорил даже, что позволит вам прокатиться за рулем, немножко, — добавила мама.

Захватило дух. Срочно на пасеку, искать Саньку!

— Скоро вернусь...

Я схватил жесткую горбушку хлеба, макнул одной стороной в блюдце с постным маслом, присыпал ее твердой, лениво тающей солью и крикнул, убегая к тихому закату солнцу:

— Как здорово началось лето! Ведь правда?

— Правда, — сказала мама.

Альма

повесть вторая

1. ИСТОРИЯ С ТЕЛЕГРАФОМ

получил единицу, увесистую, толстую, как сарделька. И вlepила этот «кол» Ольга Александровна, учительница истории, собственная мать. Все из-за того, что Саня дернул веревку телеграфа.

Мать вызывает меня всегда неожиданно и говорит классу: «Задавайте вопросы». А я должен отвечать. Даже если спрашивает эта кровожадная ехидна Зойка. И потому у меня везде пятерки, а по истории — ни одной.

Сейчас мы с Саней лишь раз перебросились ничемным бумажным катышем, и за это прегрешенье я тотчас очутился у доски. Упитанная ябеда нетерпеливо потянула руку:

Я

— Что такое турки-сельджуки?

Думала застать врасплох, потому как проходим уже не турок, а крестоносцев. Мстила

мне и брату Кольке за то, что не взяли ее вчера в снежную крепость.

— Не что, а кто... — начал я гордо.

Тут Саня и потянул за веревку. Стрелка телеграфа бесшумно, будто рыбацкий поплавок, дрогнула, повернулась. Я сразу забыл, о чем хотел сказать, и завороченно уставился на нее.

Телеграф устроен просто. Мы посадили на гвоздь сосновую щепку-стрелку с мягкой пружиной. Тянешь за веревку — щепка струганым концом указывает в одну сторону, отпускаешь — пружинка вертит ее в другую.

Конечно, этим на истории много не подкажешь. А вот на других уроках можно. На русском: стрелка вправо — пиши «не». Влево — «ни». Вправо — слитно, влево — раздельно. На алгебре: вправо — «плюс», влево — «минус».

Саня обещал вскоре приделать шкалу, чтобы потом подсказывать и даты.

Стрелка на полу у первой парты, возле стенной щели. Она легко снимается, иначе на перемене ее увидят. Нынче мы хотели испытать телеграф на русском, после истории. Но Сане, видно, не терпелось, как всякому конструктору.

— Быстрее, Владимир, долго думаешь, — сказала мать.

Я набрал побольше воздуха, желая махом рассказать Зойке про ее дурацких сельджуков. Но щепка опять заговорщицки крутнулась. И мой взгляд снова прилип к месту, откуда сигналил телеграф.

— Что с тобой? — спросила мать, встала и сейчас же увидела весь наш суперсекрет.

— Какая прелесть, — сказала она иронически. — Мысли на веревочке. Отбей, Александр, своим прибором Владимиру единицу.

Саня потом на перемене твердил, что дергал, желая просто подбодрить. Колюх дал сестре по причесанному загривку. Конопатая толстуха подняла крик. Дело стали расследовать — и историю с телеграфом узнали в учительской. Пружину с гвоздиком, нитяной веревкой и занозистой щепой водрузили на стол в коридоре — чтобы школа в полное свое удовольствие клеймила нас позором.

На русском молоденькая Нина Викторовна вызвала Колюха и поставила этому бедолаге вторую подряд двойку. Видно, беды, как вороны, летают стаями. От огорченья мы вечером даже в хоккей не стали играть.

Хуже всего то, что грядущая кампания расстраивалась. Послезавтра воскресник. Мы должны в поле грузить сено. Брали только старшекласников и нескольких из шестого «А». Это была наша тройка и еще второгодник Мотья, главный здоровяк.

Мама видела, как я ждал выходного. Мы вместе готовились. Но после единицы я уже знал, что теперь мать не возьмет меня в поле. Такие у нее методы воспитания.

— Зачем этот глупый телеграф? — укоряла она. — Ведь Саша и так уроки выучит, он способный. А Коле вы просто помогите.

— Колюх сказал, что его не любят.

— Кто не любит?

— «Никто-Ничто, некто-нечто». Мать совсем нахмурилась:

— Не смейте так звать Нину Викторовну. Ей трудно с вами, сорванцами.

Назавтра, в субботу, я ходил угрюмый. Саня с Колькой утешали. Однако вокруг только и речь про воскресник — какое тут утешение.

И вдруг вижу в дневнике бумажку. Печатными буквами, ровными и крепкими, как утренний сон, в ней написано: «ОА позволила тебе ехать на сено. Я.»

После уроков догнал Саню. Он шел с Диной, которая учится у нас первый год. Она приехала из города к своему деду, пасечнику. Мать ее вышла замуж за какого-то тренера, а Дина невзлюбила его и перебралась к нам в село. Она красивая и решительная, эта девчонка. С Саней дружит открыто, насмешек не боится.

Я украдкой, как какую-нибудь запретную находку, или как спасительный, но чей-то

чужой грошик, показал другу записку, шепнул:

— Не ты писал?

Саня в недоумении мотнул головой.

— Можно мне? — и Дина вынула из моих разгоряченных рук прохладную драгоценную бумажку. Я даже возмутиться не успел.

— Конечно, не он писал, — сказала она через секунду. — Почерк женский. И потом, разве бы Сашу Ольга Александровна послушала?

Уловив фразу про женский почерк, я залился краской, словно обидчивый дворовый индюк:

— Динка, давай не сочиняй. Чего ты сразу лезешь в разговор?

С нею у меня всегда выходит грубо. Это потому, что она мне нравится. А как прикажете говорить с человеком, если он тебе по душе, а ты ему — нет? Правда, Саня сказал, что и я Дине нравлюсь. Но это вроде соболезнования. Знает же, что она никогда меня всерьез не принимала.

— Конечно, женская рука, — Дина лукаво блеснула своими темно-золотистыми, цвета спелого желудя, глазами. — И догадываюсь, чья. Это Нина Викторовна писала.

— Брось ты! — сказали мы разом с Саней. — Никто-Ничто?

— Да. Только она не хочет, чтоб ты о том догадался. Видишь, как подписалась — «Я». Я почувал еще большее смущенье и совсем надулся. Забрал бумажку, обронил как можно равнодушной:

— Причем тут Никто-Ничто?

— Она хорошая, — ответила Дина. — И еще, думаю, напишет, когда тебе трудно будет. Только ты записки больше нам не показывай. Говорю, она этого не хочет.

— Я тебе и не показывал.

— И Саше не показывай.

Да, она все же на голову выше всех наших сплетниц. Дома долго не решался подойти к маме. Лишь когда уж ложился спать, спросил:

— Ну так... что мне завтра делать?

Домашний кот Никита бросил умыться и замер вместе со мной, словно понимая, как важен момент. Пауза длилась недолго. Мать смотрела спокойно:

— Полагаю, ты получил сигнал о моем разрешении. Иль нет?

— Получил. А... а кто это писал?

— Мало ли кто! — засмеялась мать. — Гордись лучше, что у тебя такой покровитель.

И на утро условие: надень валенки.

Значит, Дина права. Нельзя ж о Сане или Колюхе сказать «покровитель». Да и о записке маме известно. Точно, это новая учительница русского.

2. ДРАКА В ТУМАНЕ

ина Викторовна издали похожа на девочку. К примеру, ее спокойно спутаешь с Диной. Стройная, маленькая, как подросток, прическа без всяких взрослых завивок.

Разговаривает с учениками по-свойски, будто подруга-сверстница.

Осенью кто-то, сидя на школьном палисаде, нараспев копировал голосок новенькой учительницы:

— Ни-кто, ни-что — не-кто, не-что! Ни-какой! Ничей!

Нина Викторовна, услышав дразнилку, подкралась на цыпочках сзади и закрыла мальчишке ладонью глаза:

— Пой, светик, не стыдись. Здорово правило выучил.

А вообще, несмотря на веселый нрав, она половине нашей школы-восьмилетки сразу наставила двоек. И главное, сама переживала. Зато за русский все схватились. Один Колюх никак из двойной трясины не выкарабкается. Очень привык раньше шпаргалить.

Вот и злополучная идея с телеграфом его. Колюх задумал, Саня сделал, я погорел. Мать говорит, что в жизни так часто бывает.

Мы сидели в большущих санях, как семечки в подсолнухе. И в самой середине Нина Викторовна. Трактор быстро тащил нас по снежной целине. Наверное, только боги по облакам так раскатывают. Сани мягко-мягко ухали с боку на бок — будто с облака на облако. Учительница, хватаясь за наши плечи, смеялась долгим колокольцем. Она никогда не ездила в санях и твердила, что боится.

В тракторных санях классно. Неуклюжие, грубо отесанные, а скользят так бесшумно, что кажется, тысячу километров ехать не надоест. Сидишь лицом назад и смотришь, смотришь, как из-под толстенных полозьев зеркальный след выскакивает.

Нина Викторовна верткой синичкой оборачивалась к трактору, крича:

— Тише на поворотах, маэстро!

В кабине сидел Витька Летов по кличке Головешка. Заслышав учительницу, он нарочно давил на газ и делал короткий зигзаг, от которого мы со смехом валились друг на дружку. А Летов, обернувшись, тускло сверкал вставным зубом, будто стоп-сигналом.

Мне он не нравится. Голова большая, круглая, а толку мало. Вечно злой. И жадный. Когда ему дали отдельный дом, все таскал туда на тракторе колья для забора. Дотаскался, что через пару месяцев молодая жена ушла из этого нового дома обратно к родителям.

А он совсем озлился, так и живет один за забором.

Сзади бежала рыжая собачка с крученым хвостом. Мы ее при посадке тянули в сани, но Витька не дал. Сказал, что она охотничья, должна сама бежать.

Витька ее осенью на задворках подобрал, когда жена ушла. Собака привязалась к нему так сильно, что и на пахоту с ним. Летов плугами по полю круги весь день дает, а собачка, словно грач, вперевалку следом по зяби ходит.

А потом Витька на охоте невзначай выбил ей дробинкой глаз. И она сразу ему стала не нужна. Держит на цепи, зовет «псина», хотя у той есть, как и положено, имя: Альма.

Сперва ее звали Пальмой, но разве бывает рыжая пальма? И осталась кличка без первой буквы — и гораздо красивей вышло.

Порой Головешка пинает Альму, гонит со двора. Тогда она целыми днями бегаёт по селу, виновато косит на встречных единственным своим глазом, ничего ни у кого не прося и ни перед кем надолго не останавливаясь.

Сани ехали-ехали и рывком стали. И мы в последний раз повалились друг на дружку.

— Выметайся, мошкара! — донеслось с трактора.

Сизый стог был с одного бока искрошен, как початый калач. Мы втроем первыми выпрыгнули из саней, с разгону вонзились головами в сено. Запахло подмороженным летом. А коль закопаться поглубже, то будто и зимы снаружи нет — такой внутри дух от сухих ромашек.

Договор был, что мы пару саней отвезем на ферму, а потом разок — в школу, в живой уголок. Там у нас есть даже теленок.

Мы подскребали граблями обрonnenое старшими сено. Заодно вывалили верзилу Мотьку в мокром желтом снегу. На нас отовсюду покрикивали:

— От вил подальше! Не наткнитесь! Домой прогоним. И кто вас пустил сюда?

А туман густел, оттепель усиливалась. К соседнему стогу скоро подъехала ватага школьников на другом тракторе. Они вынырнули из серого тумана, как стая

озирующих привидений. И мы дружно закидали их снежками.

На виду у Нины Викторовны я был особенно весел. Хотелось показать, как я благодарен за поездку сюда. Нарочно ловил ее взгляд, ведь мы с ней словно бы заговорщики.

Но никакой такой тайны в ее глазах не мелькало. Она больше смотрела на тракториста, что слонялся вокруг, курил и сплевывал прямо в стену тумана.

Затем он заметил внимание учительницы, взял у старшеклассника вилы и бросил к саням громадный, с обвислыми космами,- кочище сена.

Раздался визг. Альма, крутившаяся возле, не увернулась от этой тяжелой охапки.

Все засмеялись.

На Летова этот безобидный смех подействовал странно. Он перекошил вдруг лицо и ткнул вилами в охапку, из которой неуклюже выбиралась Альма.

Бедная собака зашлась от боли, раскидала облепившее ее сено и исчезла в слоеном тумане. И все выла, выла.

Витька показал железный зуб:

— Схлопотала, паскуда.

— Сам ты! — крикнул я.

У меня с ним вражда с лета, когда я и Саня на подкормке кукурузы не дали Витьке халтурить.

Он оглянулся, и видя, что моя мать отошла к соседнему стогу, повернул вилы ко мне:

— Насажу и в туман закину.

— Виктор! — вскрикнула Никто-Ничто.

Она одна только и испугалась дешевого жеста. Но Головешке этого было достаточно.

Он геройски добавил, как победитель:

— А чего? Садись на спицы, щеня, полетишь красиво.

И заиграл передо мной зубьями, уже так, для куража, понарошку, чтоб подольше посмеяться, посмаковать свою якобы победу.

Я схватил колючий огрызок сена и вlepил его в круглую ненавистную физиономию.

Витька кинул вилы, дернул меня за шиворот, сунул горячим носом в снег. Прямо перед Ниной Викторовной.

Она бросилась к нам. Летов отпустил меня. Я скомканной тряпкой лежал на снегу.

— Как не стыдно! Виктор, он же ребенок!

Все, что угодно, смерть в неравном бою, смерть без боя — только не это. «Ребенок»!

И едва первая слезинка ущипнула глаз, я вскочил, слепо кинулся сквозь толпу.

— Вовка! Володя! — кричала срывающимся голосом Никто-Ничто.

Но я уже был, как занавесом, скрыт от них всех. Туман отечески спрятал меня и мои едкие предательские слезы. Я бежал по полированной колее и старался не всхлипывать. Чтобы сзади, у стогов, не услышали. Ведь слезы — хуже, чем оскорбление, худшего придумать нельзя.

3. ПЛОХО УМИРАТЬ ДВОЕЧНИКОМ

тогда давно исчезли, а с ними и голоса. Отплакав обиду, я заметил, что вокруг ничего нет. Как будто нырнул в серость.

Санний след выплывал из пелены и тотчас, словно под промокашкой, выцветал сзади.

Ныла щека, оцарапанная о Витькину куртку. Чем неприятней делался этот туман, тем сильнее жглась царапина, напоминала о позоре. Настроение стало до того плохим, что показалось, будто колея нарочно петляет, чтоб я шел вечно в этой сырой мгле, противной, как разбавленное молоко.

Справа сквозь серое нарисовался темный столб, затем дерево. Такое дерево и такой

столб стоят у входа в село. Я выпрыгнул с накатанного следа вправо, там короткая дорога к дому.

Но провода с верхушки столба тянулись вовсе не туда, куда думал. И рядом угадывался крутой спуск, которого, как гостя незваного, здесь быть не должно.

Значит, незванным в этом месте был я, забредший куда-то не туда. Было ясно, что до дома, до села еще далеко.

Овраг так овраг, это все же лучше, чем совсем ничего. Только надо вычислить, какой именно овраг.

У нас они все с прозвищами. Тот, где я летом наткнулся на мину, зовут Долгоногим. Оттого, что он нескончаемый, тянется и тянется. А в войну там, говорят, погиб какой-то капитан Довгоног, один против ста немцев бился.

Еще есть глубоченный овраг Максютя, потом Белый яр и Красный яр, они самые дальние.

Неудобно притулившееся у склона дерево было какое-то слишком несчастное и одинокое, будто бы его изгнали из теплого леса и приковали к сыпучему обрыву. Кончики веток растворялись в воздухе — словно вмерзли накрепко в туман.

Захотелось опять к колее. Я обернулся. А где она, колея? Мои следы пятились вбок, совсем вроде не туда, откуда пришел. Провода на столбе рушили всю ориентацию, я теперь не знал даже, в какой стороне село.

Я аж вспотел. Заблудиться в пяти шагах от дома? И это случилось со мной, умеющим и карты рисовать, и наши сверхсекретные тайники во тьме отыскивать? Вот где настоящий щенячий конфуз!

Вспомнив про «ребенка», я обозлился, сбросил дурацкие сомненья — будто шапкой оземь ударил: была-не была. И побежал вперед по снегу-целику. Вот-вот под ногой появится знакомая санная колея.

6 Заказ №7611 __

Тут и провалился.

Это вышло вмиг. Снег подо мной обломился вниз, тяжелые валенки стали невесомыми. А потом я почувствовал, что плотно сижу внутри чего-то, и ни капли не больно. Только серость сменилась кромешной теменью.

Веселенькое дело! Я провалился в занесенный спящий овраг. Сердце стучало быстро-быстро, словно, почуяв очень неладное, торопилось жить.

Задвигал руками, ногами — и осел вниз еще на полметра. А единственное светлое пятнышко над головой ушло совсем вверх и померкло, будто зашторилось.

И тогда я подумал, что мне сидеть в этой щели-обманке до самой весны.

— Ну и ладно, — сказал, отгоняя душный страх.

Пусть теперь хватятся. Витька сто раз пожалеет, что так опрометчиво связался со мной.

Снег под галошами умялся, а вокруг от моего барахтанья вышла узкая пещерка. Свет сверху был уж посильней, видно, глаза привыкли к темноте. А может, туман, это мое сегодняшнее наказание, исчезал, сделав свое.

И я изготовился ждать весну. Зажмурил веки и подумал: если напрягусь, то по-медвежьки просплю до апреля. Нет, глупости. Лучше целыми днями решать в уме шахматные задачи. Так делал какой-то узник, а после на свободе стал обыгрывать всех. Попробовал представить шахматную доску. Но вместо того пришла мысль, что меня хватятся не скоро, лишь вечером. Все на воскреснике, а ты — как бабуин в яме. Потом будет ночь...

Снова запершило горло, и я скорей принялся делать ступеньки наверх. Однако уже второй уступ обвалился и вся стенка рыхло осыпалась, а моя берлога стала еще шире и безнадежней.

Тут где-то под ногами услышал журчание, тонкое и прерывистое, как пенье сверчка. Я враз догадался, где нахожусь. Это самый краешек Красного яра. Здесь живет маленький ручей. Наверно, от оттепели проснулся, подумал, что весна.

Летом сорок третьего тут стоял наш санитарный батальон и ручей был красный от крови раненых. Неподалеку Белый яр, где до сих пор белые кости: туда сбросили убитых немцев. Белый яр нелюбимый, хоть там много земляники. А вот в Красный мы ходим с удовольствием.

Едва раздался голос ручья, я тотчас понял, где склон, и стал лихорадочно копать вбок, чтоб добраться до него.

В этот момент послышался рокот трактора. Я закричал надрывно, что есть мочи: — Мама! Ма-ам! Испугался, что проедут мимо.

И трактор вправду стал удаляться. Лицо мое взмокло, я тихонько завывал от отчаянья и обиды на судьбу. А ручей внизу журчал все сильнее. Хотел быстрее подточить снег, чтоб я, никчемный и всеми забытый, упал на самое овражье дно, насовсем.

Я бросил рытье и лишь вслушивался, не загудит ли снова. И загудело, и я опять кричал. Голос дрожал, будто шел не из меня, а из старого нашего школьного магнитофона.

Трактор издевательски проурчал мимо раз пять. Светлая дырка над головой исчезла, наплывал вечер.

Оказывается, темнота бывает разная. Одно дело, коль идешь ночью по родной раздольной улице. Захотел — остановился, захотел — вытянул руки. Боязно, но интересно. Ждешь, что сейчас живой золотую мошкой мелькнет огонек. В такой темноте и упасть не страшно. Синяк пройдет, а память о коротком полете останется.

В снежном мешке тьма другая, какая-то плотная, тесная, от нее не убежишь. И главное — вглядываться в эту темноту нечего: жди не жди — огонек не блеснет. Вот где ужас.

Я уныло подумал, что ночь длинна и лучше умереть, чем сидеть в этой темной склизкой ловушке. Ну и умру, а они пусть идут завтра в школу и хвалятся, как здорово было на воскреснике.

Вспомнил про единицу по истории и мне сделалось совсем тоскливо. Плохо уходить из жизни двоечником — словно монаху без отпущенья грехов.

Трактора больше не слышать. Если б не журчанье внизу, можно поверить, что уже и не живешь вовсе. Закрыл глаза, открыл — одно и то же.

А потом сверху новогодним конфетти сыпанулся снег, донеслось приветливое поскуливанье. От восторга екнуло сердце. Я вскричал сорванно:

— Альма!

4. ИЗ ОГНЯ В ПОЛЫМЯ

т

очно, это была Альма. Она вопросительно тявкнула. Видно, дивилась, что я так лихо запрятался. Иль недоумевала, чего не вылезаю.

— Альма, как выбраться? — крикнул я. — Что делать?

Но она исчезла.

— Альма, где ты? — в страхе завопил я. Невмоготу было одному. Хуже всего, когда надежда, появившись, пропадает.

Где-то раздался рассыпчатый лай-бисерок, за ним — гул трактора. Край моего снежного колодца залился колким светом. Мотор заглох, сразу послышались голоса, а возле освещенной дырки я увидел милую Альму. Ее шерсть казалась огненной, она сияла, будто радостный факел.

Я уже хотел счастливо заорать, как в свете над дыркой нарисовалась круглая голова в

шапке и спросила:

— Эй, белобрыс, ты тут?

Слова ответа, как сухие макароны, застряли у меня в горле. Наверху стоял тот, от кого я не желал принять даже собственное спасение...

Я сразу присел и ужом влез в боковую нору, что рыл к склону. Лежал калачиком, подобрав ноги и кусая губы.

По дну снежной камеры неровно прыгал луч фонарика.

— Отойдите, тут же овраг, — раздраженно сказал Витька. — Нет никого в этой волчьей яме.

— Он там, — раздался твердый голос Сани. — Вот следы. Он бежал, потому и провалился. Вовка, ты здесь?

Я слушал, до ломоты сжав зубы, чтоб не выдать себя, не откликнуться на зов лучшего друга.

— Вылезай, — снова сказал Саня. — К тебе... К тебе отец приехал.

Колени сами собой разогнулись. И околodeвшие валенки выползли из норы под свет фонаря.

— Он там! — крикнули наверху в несколько голосов. — Кидайте веревку. Вова, хватайся!

И через минуту меня вытащили — словно заморенного покорного леща.

А затем мы ехали по полю, темному, будто большой выключенный кинозал. Никто-Ничто гладила Альму, доверчиво сидевшую у меня на коленях. Витька не высовывался из кабины. Ему уже не кричали про маэстро, да и трактор он вел без ухарских выкрутасов. Наоборот, гнал напрямик, по жестким снежным застругам. Спешил скорей отделаться от нас.

Наперебой рассказывали, как меня хватились после воскресника. Те из школьников, что еще не разошлись, ездили в санях по туману и кричали. Но я криков не слышал — как и они моих. Никто-Ничто уже хотела поднимать народ для поисков. Тут прибежала Альма, стала суматошно лаять, звать в темноту. Так меня и нашли.

Нина Викторовна прижимала мою голову к себе, в пахучую шубку, и шептала:

— Мама ждет тебя. Она не сердится. И я совсем не сержусь...

Теперь у нее был голос не тайной сообщницы, а старшей сестры. Она порывалась еще что-то сказать. Я догадывался: хочет смягчить новость, которой ошеломил меня друг. Но об отце больше так и не заговорили, даже Саня неловко отворачивался, прятал свои лупастые глаза.

Порой казалось, что он меня просто надул, причем, я на него за это не злился.

Но стоило посмотреть на Нину Викторовну, встретить ее чуть испуганный взгляд — и вновь приходила тревога. И сердце трепыхалось, словно опять сажу в холодной ловушке.

Трактор хмуρο полз по селу. Уличные фонари купались в мутеве редееющего тумана. Школьники понемногу соскакивали с саней возле дремлющих своих домов.

На полпути спрыгнул и я. Тихо подошел к спящим воротам. Постоял на отсыревшем крылечке и нехотя толкнул дверь.

Да, у нас был гость. Если можно назвать гостем родного отца. Он сутуло горбился в кухне на табурете, а мать стояла напротив, у заледеневшего окна.

За четыре года отец почти не изменился. Лишь под глазами появились мятые круги, будто он только проснулся. Раньше его лицо никогда не было такое усталое.

Видно, разговор шел трудный, взгляды у отца с матерью виноватые, отчужденные. И мой приход оба встретили с облегчением.

— Это кто, неужто Вовка? — чересчур весело сказал отец. — Вырос! Здравствуй, Вовка.

Но я молчал. Я не знал, как ответить: «здравствуй» или «здравствуйте» — и поэтому вовсе ничего не сказал. Так и торчал молча у порога.

— Ты что, не узнаешь меня? — уже тише продолжал гость.

Нет, я узнал. После того, как он зачем-то уехал в город и не вернулся, я даже во сне разговаривал с ним. Однажды позвал: «Папа!» — и проснулся, и услышал, как мать за стеной плачет. А он спрашивает, узнал ли я его!

— Где пропадал? — спросила мама. — Почему тебя всем пришлось искать?

— В овраг провалился, — сказал я, идя в свою комнату.

— Ну, брат, даешь, — оживился отец. — Бедовый, весь в меня. Я тоже вечно в передраги попадал.

— Вовка совсем не в тебя, — возразила мать. — Он никогда не будет... таким.

— Ну, Ольга, зачем ты, — сказал отец. Повисло молчание, тяжелое, как болезнь.

Я закрыл дверь, а потом сидел и прислушивался, хоть и не хотел. Было страшно, что сейчас они войдут, начнут шутить, и мне тоже придется улыбаться. И жизнь моя изменится, станет непонятной и неправильной, оттого что рядом будет чужой человек. Они разговаривали минут двадцать: отец длинно и горячо, а мать коротко и чуть слышно.

— Вовка, иди ужинать.

Я отказался, но мама опять позвала, и я пришел. Отец так же сидел на табурете посреди кухни. Когда я вошел, мать тенью отделилась от подоконника, налила мне суп и сказала нахохлившемуся отцу:

— Садись и ты к столу.

— Нет, я не голоден, — бросил он. — И притом... Вы мне, вижу, не очень рады. Так только скажи, Ольга, и я уйду.

— Пусть Вовка скажет, — произнесла мать неожиданно. — Он все правильно решит, ему можно верить.

Отец помедлил, потом повернулся и спросил:

— Вовка... ты хочешь, чтобы я с вами жил?

Я уткнулся в суп и неподвижно смотрел, как в нем морскою миной плавает тусклая картофелина. Я боялся ее тронуть ложкой, чтоб не расплескалось, не рвануло внутри и вокруг меня.

Прошла очень длинная минута — длиннее, чем все эти четыре года.

— Вовка, — повторил отец напряженно, — ты не молчи. Ты скажи — хочешь...

— Нет, — ответил я в миску.

И заметил, как мама быстро отвернулась к окну.

— Да... — протянул отец. — Спасибо, сынок.

Он встал с жалобно крякнувшей табуретки и обронил в пустоту:

— Теперь совсем один. Куда же мне податься, одному-то?

— К Витьке, — сказал я и впервые, исподлобья, посмотрел прямо в его выцветшие глаза.

— К какому это?

— К Головешке. Он тоже сейчас один, как... предатель.

Отец криво усмехнулся, потом стал боком:

— Спасибо и матери. Верно сына воспитывает. Взял в прихожей цветастое городское пальто и бесшумно закрыл за собой дверь.

А мама заплакала.

5. ЗА ТЕТЕРЕЙ

Под промокашкой увидел записку. Как и прежде, короткую: «По-моему, Саше нужна твоя помощь. Я.»

Взглянул на Нину Викторовну — она спокойно просматривала тетради, не обращая на

меня внимания.

Саня сидит через парту сзади. Нас в эту зиму рассадили: так, мол, будет лучше. А Зойка с Диной заняли место между нами.

Я иногда оборачиваюсь и прямо сквозь них перешептываюсь с Саней. Но сейчас он даже не заметил, что я обернулся. Глаза тусклые, слюдяные. Зато Зойка уши свои розовые вовсю растопырила, приготовилась.

После уроков, как всегда, Дина сопровождала Саню, что-то ему стрекотала преувеличенно веселое. Он покорно плелся рядом и молчал. Не понять, нравится ему соседство девчонки или уже не очень. Изменился друг за последнее время, очень изменился.

Если б не Дина, я бы давно знал, в чем дело. А с тех пор, как появилась она, все стало сложнее. При ней с Саней ни поговорить откровенно, ни подойти лишний раз. Она, чего доброго, еще вообразит, что это я к ней подхожу...

Хорошо, что нынче Дина спешила:

— Мальчики, пока, меня дедушка ждет.

Я размышлял: на какую помощь намекает Никто-Ничто в записке? И можно ли спросить об этом Саню напрямик?

Ухода подруги он будто не заметил. Но и меня принял равнодушно. И я решил пока помалкивать. Сказал лишь:

— Что сегодня делать будешь? Саня ответил раздумчиво:

— Пойду тетерей поищу.

Далеко за селом есть большой пахучий лес, где живут бровастые тетерева. Но если туда вечером пойти, до ночи не вернешься. И еще я спросил:

— Чем их ловить хочешь?

Дружок открыл тертый свой портфель, вытащил корявую поделку, промотанную проволокой:

— Не ловить, а стрелять.

Штуковина имела ствол, а снизу спусковой крючок из гвоздя.

— Самопал! Сам соорудил?

Мог и не спрашивать. Саня дивный спец по оружию. У него такие луки — стрела на полета метров в цель идет. Как-то сделал настоящий арбалет.

Но та стрелялка по сравнению с нынешней гроша не стоит. Огнестрел Саня изготовил впервые. Тяжелый и бьет, как сказал Саня, дробинкой — аж на двадцать метров. Вполне можно тетерею подцелить, лишь бы подкрасться.

— Сань, а за самопал влетит, коль увидят, — сказал я между прочим, просто так.

Но он ни с того ни с сего озлился, вырвал у меня огнестрел:

— А если есть нечего...

Я секунду смотрел непонимающе, даже челюсть книзу свисла. А он кинул самопал в портфель, отвернулся. Тут до меня дошло:

— Отец?

Саня уныло кивнул.

Да, его отец уж неделю колобродит у магазина. Его оттуда гонят, но он ухитряется каждый день напиться в стельку. Потом Сане ремнем грозит.

Тут я и записку понял. И сообразил, что делать.

— Айда на тетеревов вместе. А обратно опоздаем, так в лесу переночуем. У костра.

— Тебе нельзя, — сказал друг. — И так чуть в овраге не заночевал.

— Мать поймет, она у меня мудрейшина.

Через полчаса, когда бросили дома портфели, надели лыжи и вышли за село, а Саня все молчал, я спросил:

— Сань, чего ты терпишь? Не можешь утихомирить? Ты вон какой.

Кивнул на его плечи, ставшие за эту зиму широченными, будто книжная полка. И ростом Саня теперь выше всех.

Друг ответил не скоро, лишь пройдя с полкилометра:

— Как его утихомиришь? Он не Мотыка, чтоб с ним драться. Все-таки отец.

Помолчал, слушая скрипучую песню лыж, и добавил:

— Хотя я, по правде, часто забываю про это. Эх, Вовка, что нам делать со своими предками!

— Ничего. Лично у меня отца нет. Насовсем нет, я так решил. Это ты какой-то размазня, — и я ускорил ход, потому что разговор уже не нравился.

Саня сзади ответил мрачно:

— Я не размазня. Когда мать плачет, хочется пухнуть из самопала в этого...

Я ничего больше не сказал. Дружок стал совсем непонятный. То мучается за родителя, то пулять в него желает.

Мы въехали на пригорок, за ним открылась синяя и мягкая, как ладонь, ложбинка. Вдруг Саня закричал благим матом:

— Глянь, глянь!

В ложбинке в пяти шагах сидел заяц с увядшими от страха ушами. Глаза косились на лыжи. Наверное, он испугался их больше, чем нас.

Потом, будто нажав под собой невидимую кнопку, заяц серой войлочной катапультой взметнулся над бугром. Но снег был глубок, оторопевший зверик делал натужные ватные прыжки, а мы, как на стадионе, улюлюкали.

Под эти крики косой и исчез. Только тогда я опомнился:

— Чего ты? Чего не стрелял?

Саня опустил самопал, в котором наготове сверкал желтый магазинный капсюль.

— Такая добыча, это тебе не тетеря! Друг ответил виновато:

— Ты заметил, у него лапы дрожали? Как тут стрелять?

Нет, он и вправду путанный стал. Недавно так про отца сказал, а теперь гляди-ка...

Но, если честно, я бы тоже не смог стрельнуть. Этот зайчишка на лыжи с таким ужасом смотрел, словно и на пощаду не надеялся. Наслушался от старых зайцев про людей и их ружья. Может, он и лыжи за ружья принял?

Теперь мы заглядывали за любой бугорок. Ждали, что под каждым сидит по зайцу.

Перед самым лесом я сказал-таки Сане, что он изменился. И сказал это по-дурачки, брякнул напрямик:

— Это Динка тебя перековывает.

Он посмотрел как-то сквозь меня и ответил спокойно, не меняясь в лице:

— Не трогай Дину. Через пять с половиной лет мы с ней поженимся.

Мне почудилось, будто над полями-над снегами бабахнул гром. И черный лес качнулся, накрыв нас тьмою. Я стоял с глупейшей мордой, с разинутым ртом — из него, наверное, вываливался язык, как у придурковатого пса, не понимающего, о чем ему толкует дрессировщик.

Я не знал, засмеюсь сейчас или заплачу. Пожалуй, оба эти желания пришли вместе.

Но я не сделал ни того, ни другого, просто побрел за Санькой, и физиономия у меня была уксусной.

К счастью, мы за деревьями заметили охотников. Видно, от них и прятался наш зайчишка.

Охотники оказались непростые — Витька и мой отец. Мы еле успели въехать в заросли.

Они двигались поодаль друг от друга: так всегда ходят охотники, обзор больше. Видно, уже прочесали весь лес и ничего не нашли, потому что Летов недовольно крикнул:

— Ну что, опять шиш?

— Зря собаку дома оставили, — отозвался отец. — Зачем ты ее на цепь посадил?

— Ей на живодерню, а не на охоту, — отмахнулся Головешка.

И добавил:

— Я же вам говорил, ерунда все это. Лучше завт-рича вечером на моторе...

— Не втягивай меня в это дело, — оборвал отец.

Их спор дальше не было слышно, они сошлись ближе. Витька называл отца на «вы». Когда-то он учился у него.

А отец смотрел с досадой — словно нечаянно замарался морозным плевком. Он Витьку не любил со школьных лет. А теперь вот как обернулось: стал у бывшего двоечника квартирантом, напарником по охоте.

Мы боялись, что они набредут на наш след. Но отец молча повернул от леса к селу. Витька подумал немного — и размашисто пошел за ним. Так они нас и не засекали.

Мы выбрались из пахнущих зимними каникулами елок. Тетеревов выслеживать уже не хотелось. Да и не найти тут дичи, раз даже Головешка ушел ни с чем.

— Про какое дело они толковали? — спросил Саня задумчиво.

— Витька хорошее не предложит, — пожал я плечами. — Или сено воровать затеял, или мотор с трактора продать.

— Они же про охоту говорили, при чем тут сено? — снисходительно возразил друг.

— А слышал, Витька про мотор сказал? А отец обиделся. Он хоть и такой... а на воровство не пойдет.

Мы помолчали, размышляя над странным разговором. Затем Саня предложил:

— Нужен пост в нашей крепости. Вдруг они «завт-рича» это свое дело и начнут.

Хорошо он Летова передразнил, но меня не пронял.

— Говорю, отец не станет его слушать, — упрямылся я, по-ослиному мотая головой.

Хотя сам чувствовал: упрямыство мое ослиное пришло просто из-за того, что я огорошен вестью про Дину. Между тем, идея насчет поста мне нравилась.

— Жаль, что ты не хочешь, — покорно вздохнул ДРУГ.

Он понял причину моего упрямыства. Мне сделалось совестно, и я махнул рукой:

— Ладно. Айда проверим крепость.

И мы повернули к дому. Но прежде, чем уйти из пустынного зимнего леса, Саня вынул самопал, прицелился. Гнутый гвоздь стукнул по капсулю, из медного ствола пугливо выскочил ворсистый дымный пыж. А с толстого пня метрах в десяти недовольно посыпался снег.

Дробинка уютно сидела в старой коре, мы ее выколупнули ногтями, рассмотрели ее сплюснутое рыльце.

Потом стали на лыжи и припустили в село, чтобы обогнать сумерки, засветло изготавиться к завтрашней засаде.

6. ЧТО ТАКОЕ ПРЕДАТЕЛЬ?

репость наша гордость. Однажды метель такие сугробищи наделала, что сквозь них по селу рвы прокладывали. У мехотряда

дорога легла прямо по огородам. А мы от нее прорыли тоннель, выход шагов через тридцать сделали. И крепость поставили. Во бои тут были! Нашу цитадель противник с Мотькиной улицы штурмовал и по тоннелю, и по сугробу в обход.

Потом ударил мороз, следом и та оттепель, когда я в овраг провалился. Крепость взялась горбом, закор-жавела, как неопрятная пенсионерка.

Мы сюда уж недели две не заглядывали. Хотя крепость не утерьяла стратегического

веса. Рядом главная

7 Заказ №7611 __

улица и та дорога сквозь огороды, по которой из мехот-ряда то и дело ползут трактора с широкими санями-раскоряками. Про это и вспомнил мой друг. Лучшего места для наблюдения за Витькой не придумаешь.

Мягкопузый Колюх надулся было, что охотились без него, но, услышав про засаду, сразу согласился посидеть у тоннеля с двух до пяти. Потом до восьми на посту я, а следом Саня аж до двенадцати.

День выдался суматошный. Дина за нами следила, хоть это на нее не похоже. Математичка Клавдия Ивановна учинила Сане экзамен, ехидно вспоминая веревочный телеграф. Потом и Нина Викторовна удивила.

Она вошла сама не своя. Молча вывела на доске тему, заставила писать сочинение. А сама целый урок смотрела в одну точку. И уходя, забыла на столе все наши тетради.

Пришлось дежурному Мотьке их в учительскую нести. Он потом сказал, что Никто-Ничто стояла у окна и, похоже, вытерла слезинку.

Уроки кончились. Мы выскочили из школы так быстро, что девчонки тотчас нас потеряли из виду. Дину, конечно, волновал Саня, а Зойку — Колюх, чтоб потом дома наябедничать на него. Один я, словно прокисший сельповский товар, никого не интересовал. Даже маму, потому что у нее еще уроки у старших. И я сказал:

— А хочешь, Коль, я за тебя на посту отдежурю?

— Нет, — отрезал Саня, потемнев от раздражения и став еще более лупастым. — Условимся, что мои приказы сегодня выполняются беспрекословно. Согласны?

— Да, — кивнул Колюх, подумав, что я хочу его по-хитрому отправить домой, выключить из операции. — Давай приказ!

— Пробирайся в крепость, только по тоннелю, не-

•

as

заметно. И сиди там до смены. Если увидишь объект наблюдения, немедленно ко мне. Я буду... — Саня на секунду замешкался, — буду у Вовки.

— У Вовки! — возмущенно и на всю улицу закричал толстун, ноздрями чую подвох. — Почему это у него?

— Потому, что за нами ведь тоже следят, — цыкнул Саня и бросил мне: — Бежим быстрее.

Бежали туда, откуда пришли, — в сторону школы. Я сначала не сообразил, зачем Саня так делает. Но тут мы наткнулись на взопревшую от быстрой ходьбы Зойку, и я все понял. За нами и впрямь следили.

Требовалось срочно отвлечь эту зануду. Она вцепилась, будто большая клешня:

— А где Колька?

— На пруд пошел, с Мотькой в хоккей бегать, — не моргнув, ответил я предельно нейтральным тоном.

Вранье было неловким, как истлевший камуфляж, потому что играть в хоккей ходят все вместе. Но Зойка довольно сказала:

— Бабушка ему всыпет, ведь там же проруби. Потом скосила глаз на Саню:

— А Динка где?

— Тоже в хоккей гоняет, понятно? — усмехнулся он. И мы весело пошли ко мне. А одуроченная Зойка

грузно топталась посреди улицы и думала, что делать: переться на пруд, чтоб уличить нас в надувательстве, иль пожаловаться бабке сразу вместе с Колькой и на нас.

— Как же Дина от нее улизнула? — спросил я. — И зачем?

— Это меня и волнует, — озабоченно проговорил Саня. — Динка нас выслеживает. И

если действует без Зойки, значит, взялась всерьез.

Я не мог понять, почему СанЯ скрывается от приятельницы. После того, что вчера о ней сказал...

7*

— Может, и ее возьмем в засаду?

— Нет, — ответил друг и насупился.

Больше я не лез. Он не хочет звать ее в крепость потому, что там буду я... И вообще, Сане не нравится, когда я упоминаю о Дине. Ревнует, наверное.

Ну и ладно. Больно нужна она мне! Да коли так, то я ее теперь в упор не замечаю.

Подумал это, и стало спокойней. Когда накачиваешь себя злыми мыслями, внутри утихает, не так жжет. Будто на ссадину холодную ледышку положил. Правда, злость, как и ледышка, быстро надоедает — и плавится.

Вечер заговорщицки подмигивал огнями. Дома я нашел для Сани валенки, достал с печки свои. Сбросили колдубезные сапоги, переобулись в сухое пряное тепло. В газету завернули немного еды — «неприкосновенный запас», как у всех разведчиков. Тут и мать на порог ступила.

Ответ, когда спросит: «Куда целитесь?», у меня был наготове. Врать не собирался, а просто сказал бы: «Проводим боевую операцию. Где — тайна. Домой приду в одиннадцать».

И мать ничего больше не скажет. Знает, мы дурное сделать не можем, хоть и слышем сорванцами.

Но странно она вообще не заметила, что мы куда-то снарядились. Глянула мельком на валенки, которые считаем немужской обувкой и надеваем лишь в самые крайние моменты, вздохнула, прошла на кухню, позвала:

— Вовка, зайди сюда.

Я вошел. Она стояла в пальто, не раздеваясь. Посмотрела, как с иконы — скорбно и долго, и проговорила:

— Сейчас ко мне в школу приходил отец. Внутри защемило. Знало сердце, что так оно в конце-концов и будет. Опять отец к нам просится.

•

— Он хотел бы встретиться с тобой.

— Нет, — вырвалось у меня.

Ах, мама! Если б она знала, что мы и без того сегодня вечером встретимся. «Не втягивай меня», — сказал он Витьке. А как не втягивать, если живут вместе. Летов замыслил плохое. И отец теперь его сообщник уже потому, что знает об этом. А может, и участвовать согласится, он же предатель.

— Нет, я не хочу, — повторил я решительно.

— Он завтра уезжает.

Вот оно что. Как гора с плеч.

— Ну и пусть едет, — сказал я облегченно.

— И ты... не простишься? Он далеко уезжает. И надолго, может, навсегда.

Я еще не видел милую, светловолосую маму такой растерянной. Было непонятно, почему она желает, чтобы я попрощался с отцом. Ведь мы его вычеркнули из своей жизни.

Мама несмело посмотрела в мои глаза, и я все понял. Может быть, это моя любовь к Динке помогла мне сейчас. Мать хоть и вычеркнула отца из своей жизни, но по-прежнему любит его. Ведь с любовью ничего не сделаешь, я теперь по себе знаю. Гонишь ее, под корень наотмашь рубишь, самому страшно от такой решительности — а ничего не выходит. Лишь еще больней становится.

И я покорно и виновато проговорил:

— Я сделаю, как скажешь.

— Он просил, чтобы ты просто был на улице и не убегал, когда он подойдет. Но хочет встретиться сейчас, пораньше, потому что вечером он занят...

— Ах, занят! — вскричал я. — Тогда я скажу тебе, чем он будет занят!

В это время влетел взмыленный Колюх. Увидев маму, он запыхтел, округлил глаза от напряжения, а весть пойманной кудахчущей курицей так и рвалась из него, как из клетки.

Саня первым подскочил к нему. С горящим взглядом, уже обутый и в шапке.

— Что? — азартно бросил он. — Есть?

Колюх кивнул, показывая руками: быстрее, быстрее собирайтесь!

Саня накинул кургузый свой ватник, покосился на нас с мамой:

— Ну, мы пошли...

Мать порывалась спросить, что все это значит, и я, убегая вслед за друзьями, торопливо крикнул:

— Приду поздно, но ты не волнуйся.

На пустынной улице, пахнувшей морозом, Колюх с облегчением исторг томившую его новость:

— Я их засек. Они возле правления. Головешка злой-злой!..

Побежали, обгоняя фонари и звезды. А метров за сто до места Санька приказал идти со скучающим видом, не глазеть на Витьку.

Но тому было не до нас. Он лаял-орал моему отцу:

— И черт с тобой! Катись, откуда приехал. Грубо кричал «ты». Отец был в цветастом городском пальто, в руке чемоданчик.

Ясно, ждал автобус, чтоб уехать. И не завтра, а прямо сейчас. А Витька нервничает.

Наверное, на дело, которое затеял, нельзя идти без сообщника.

Отец не одергивал распоясавшегося Головешку, только с тоскливым видом озирался, как отставший от обоза путник.

Едва мы появились из-за угла, он увидел меня. Безбоязненно сдвинув, словно крапивный куст, стоявшего перед ним Витьку, шагнул к нам. Опешивший Летов забрызгал из-под фикса слюной:

— Иди-иди, просись к своему сосунку! Он тебя раз уже вытурил, может, сейчас примет.

Саня потянул Кольку за ближний дом.

Я смотрел, как идет ко мне отец. Сначала быстро, радостно — видно, оттого, что я не обманул его ожиданий, — а потом все неуверенней. А в конце совсем стал — не дошел шагов пять.

Мы стояли и, как два оленя на лесной тропе, сторожко оглядывали друг друга. Потом он приблизился вплотную:

— Ну вот, Вовка... Видишь, я уезжаю. Переложил хлипкий чемодан из руки в руку:

— Ты рад?

Когда мать сказала про отъезд, в первый момент я был точно рад. А теперь не мог понять, как отношусь к этому. Было жаль маму, я видел, что ей не все равно, уезжает отец или нет, — а сейчас и отца тоже немного жаль.

Он смотрел с чуть заметной усмешкой. Наверное, тоже гордый и не умеет заискивать. Мне стало неловко оттого, что я как бы в центре всех бед, происходящих у отца с матерью. Хотелось оказаться в стороне, пусть решают сами, мириться им или ссориться вконец. А я бы закусил губу и согласился на все. Потому что люблю маму.

Но быть в стороне никак не удастся.

— Опять молчишь, — вздохнул, слегка поежившись, отец. — Крепкий ты парень. Он переминался с ноги на ногу, по-прежнему теребя свой легкий чемодан-картонку. Думал, как закончить этот не клеющийся, безнадежный разговор. Захотелось, чтобы он пока не уходил. А вдруг мне следует тоже что-то сказать. Вдруг я делаю не то, чего ждет от меня мама. Потом ведь не поправишь. Отец будто прочел мои мысли:

— Да, Вовка, жизненные ошибки исправлять в сто раз трудней, чем грамматические. Но клянусь, я всей душой хочу исправить свою ошибку... Из-за поворота выехал автобус с седою от мороза мордой. Отец подался ко мне, обхватил за плечи. Я почувствовал косновенье щеки и шершавый поцелуй. Автобус раскрыл дышащую паром дверцу-пасть, проглотил отца, сыто заурчал и тронулся. Сжатый людьми отец не махал на прощанье, как обычно делают, а лишь смотрел и смотрел на меня в сизое окно. И я тоже не мог отвести от него взгляда. Как непонятно устроено. Недавно я не желал видеть отца-предателя, а теперь плакать хочется.

Подошли ребята. Колюх сразу бухнул:

— Ну, спросил, чего Витька затеял?

Тут только я вспомнил о Головешке и его темных планах.

— При чем тут он, — оборвал нашего непонятливого приятеля умный Саня. — Видишь, Вовкин батя уехал. Теперь Головешка ничего не сможет один.

Саня догадывался, что мне не до них. Но я взял себя в руки:

— Моя очередь на пост. Мало ли что Витька придумает. А вы идите домой.

Хотелось просто побыть одному. Саня поддержал:

— Правильно. Я тебя через два часа сменю.

И он ушел. Колюх тоже повернул на свою улицу.

Витькин голос гугнил где-то у магазина, домой Головешка не торопился. Видно, его злость не остыла. Я решил быть в крепости, покуда он не протопает мимо меня в свою пустую квартиру-лежбище. Надобно увериться, что дело у него сорвалось.

7. СВИДАНЬЕ ПОД СОЗВЕЗДИЕМ ОРИОН

ыло звонко от холода. К вечеру мороз разу-хабился, снег, как охочий до публики тенор, пел от каждого шага. Я пробирался в крепость тоннелем, чтоб с улицы никто не видал.

Полз медленно. Смерзшиеся стенки рашпилем драли куртку. Стало особенно не по себе там, где лаз ныряет чуть вниз. Это самое узкое место, и я опасался попасть в ловушку — как тогда, в овраге.

Наконец ввалился в крепость. Не успел подняться на ноги, как возле кто-то пискнул испуганным мышонком.

У бруствера стояла Дина.

Даже если б я и впрямь застрял где-нибудь в се

редке лаза, то и тогда бы разволновался меньше. Сердце подпрыгнуло, жар ударил в лицо — хоть и минус десять.

— Что ты тут делаешь? — вскричал я громче, чем надо.

— Я... я жду Сашу, — почти шепотом ответила Дина. Испуг ее не проходил. Я ведь появился из замаскированной щели, а не через ледяной бруствер.

Дрожащий голос всегда независимой девчонки вернул мне уверенность. Я хмыкнул в темноте:

— Почему ты думаешь, что Саня будет здесь?

— Ты же вот пришел...

— Я — это я, — сказал я значительно и замолк, не зная, что говорить дальше.

Быть с Диной наедине, да еще вот так, я ни в каких самых радужных снах не мечтал. И оказался к ситуации вовсе не готов. Будто расписание уроков спутал.

Дина тоже слегка смущалась. Ее глаза влажно поблескивали в свете дальних фонарей. Волосы выбились из-под шапочки, на них сверкали мельчайшие ине-инки. Такая это была светящаяся даже во тьме девочка.

Я наконец прервал молчание:

— Коль без Сани и вечером обойтись не можешь, то двигай прямо к нему. Только что домой пошел, успеешь догнать.

Дина пристально взглянула — и ответила вот как:

— Он три дня дома не показывается.

Я, словно испорченная кукла, беспорядочно захлопал глазами. Где же он ночует в таком случае? Теперь не лето, когда Саня мог в землянке от запойного батяни укрыться. И притом — почему я ничего не знаю?

Дина долго не томила:

— Он у нас ночевал. Я с дедушки слово взяла, чтоб молчал. А сегодня Саша отказался к нам идти. Вот и ищу его.

Я был раздавлен. Саня, значит, даже мой дом, дом друга, сменял на Динкин. Укрывался под крышей Молтаво, пасечника, которого еще летом считал непримиримым противником. Да...

Дина поняла, что во мне пронеслась злая мысль. И спросила прямо — она всегда говорит напрямик:

— Вова, за что ты меня не любишь?

— Я? Да нет, почему...

«Наоборот!» — хотел выпалить. Даже голова закружилась в сладком предвкушении. И правда, пусть Дина сейчас узнает все про мою к ней любовь.

Но события и слова в этот вечер летели друг за дружкой без пауз, плотной чередой, как утки на тяге. Мимо крепости кто-то скрипуче пробежал. Фигурка тоненькая, щуплая. А сзади голос:

— Да стой, фифа!

И Витька тоже протопал, догнал беглеца. Это была Нина Викторовна.

Мы с Диной замерли в ледяной своей засаде. Головешка схватил учительницу за плечо:

— Чего скрываться стала? Я знать должен.

— Видеть тебя не хочу!

Голосок ее прерывался от бега и волнения. А может, и от ненависти. Летов мотнул круглой бычиной головой:

— Ишь ты! Идем, потолкуем в тепле. Мой, энтот — сегодня съехал, так что я опять один.

— Я больше никогда, никогда не пойду к тебе! Я проклинаяю тот день и час...

Но тракторист вновь, как веточку, тряхнул ее за плечо:

— Надоело. Я не обманывал, хоть завтра женюсь. Чем не муж, непьющий, найди такого.

— Ты ничтожество! — едва не плача под грубой пятерней, сказала Нина Викторовна.

— Господи, ведь ты ничтожество.

— Что за слово? — нахмурился Витька, отступая. — Московские словечки. Да тебя саму детвора Никтой-Ничтой дразнит.

Мы почувствовали, как Нина Викторовна вдруг улыбнулась. И уже без слез, спокойно

и очень-очень твердо сказала:

— Виктор, прошу, оставь, не преследуй меня. У нас ничего быть не может.

И зашагала прочь. Головешка кинул вдогонку растерянно:

— Ты ж теперь пропадешь без меня!

— С тобой еще быстрее пропаду. Головешка встрепенулся:

— Почему? Думаешь; денег не будет? Не смогу хозяйство наладить? Да хочешь, утром принесу столько добра...

Учительница смерила его инистым взглядом и, ни слова больше не говоря, скрылась во тьме.

Головешка постоял минуту, затем выругался так, что мы с Диной похолодели от стыда. И двинул обратно, к магазину, где гомозились запоздалые покупатели, толклись пьяницы.

Все это время мы стояли у бойницы, боясь хоть звуком выдать себя. Дина наклонилась близко, я чувствовал лицом ее мягкие стылые волоски. Когда Летов ушел, Дина повернулась, обдала горячим вздохом. Она дрожала — не от холода, а наоборот, от прилившей к щекам крови. Ее душила ярость:

— Негодяй! И какой тупой, даже не понял, за что его презирают.

— Потихе, — умоляюще сказал я. — Нас рассекретят.

— Бедная Нина Викторовна, — уже шепотом продолжала Дина. — Такого подонка не раскусила сразу. Разве можно представить их вместе.

— Да, она славная. Записку опять мне написала, — брякнул я.

Девчонка быстро глянула на меня, едва заметно усмехнулась. Она ведь предупреждала, чтоб я записками не козырял.

Так разве ж я хвастаюсь? Если мальчишка сказал об учительнице «славная» — это уж само по себе редкость. И говорит вовсе не о желании прихвастнуть.

— Записка не про Витьку? — Дина улыбалась в открытую, как с веселой цветной обложки.

— Нет, — насупился я.

Помолчал, но дуть губы не хотелось, и я спросил:

— Слушай, а почему он сказал «теперь пропадешь»? Что значит теперь?

— Повзрослеешь — поймешь.

И опять во мне вспыхнула обида:

— Вы больно взрослые со своим Сашкой. Жених и невеста.

Такой детской дразнилкой я самому себе доказал, что и вправду еще глуп, как пробка. Но Дина не стала больше насмехаться.

— Да, Саша взрослее. Его жизнь успела закалить.

— Все это ерунда, — ответил я уныло. — Главное, он красивый, и плечи у него — во! Мне бы такие.

— Ах ты, милый наш Вовка! — засмеялась Дина, ласково, как маленького, потрепав меня теплой ладошкой по щеке. — Ну не мучайся, не будь букой. Сашу угнетает твоя ревность.

От этих слов я чуть, как дельфин-самоубийца, не выбросился через бруствер. Она давно все видела во мне насквозь! И я позволил им разгадать себя!

— Знаешь, скоро придет Санька, вот его и учи, — голос выдавал клокочущее во мне горе, но на это теперь наплевать. — А я на посту. Тут положено соблюдать тишину.

Дина вздохнула, отошла к другой бойнице. Из-за бруствера на нас щурилось созвездие Орион, похожее на песочные часы из школьного кабинета по физике.

Так мы и стояли в грустном молчании — пока на нас не свалились вести весьма тревожные. Принесли эти новости — кто бы мог подумать! — Колюх с Зойкой.

8. ПО СЛЕДУ

М

ы увидели их за версту. Они летели во весь свой бульдожий дух. Первой тяжело бежала Зойка, за ней переваливался брат. Возле крепости Зойка разбойничьи свистнула и по винтовой снежной лесенке взмыла к нам.

Увидев подругу, округлила глаза. Но даже такому диковинному факту удивляться у нее не было времени. Зойка выпалила:

— Он там поил Саниного отца!

— Кто — «он»?

— Витька! — подоспел и Колюх. — Санин батя у магазина отирался, а Головешка подошел и что-то говорит...

— Потом видим, вино покупает. А Санинному отцу не дает, говорит, потом, после дела... — захлебывалась Зойка, перебивая брата.

— Да какое дело-то? — я стал догадываться, о чем речь.

— Не знаем. Но они пошли к мехотряду.

— Почему же мы их не видели?

— Они в окружную. И Головешка сердился на Санинного отца, что громко говорит. Из Витькиного дома вынесли ружье и сетки.

— Ясно! — закричал я в яростном возбуждении. — Затеял охоту с трактора, браконьер.

Охотиться с машин и тракторов, притом ночью, запрещено. Заяц бежит по лучу, как по мостику, и боится прыгнуть вбок, в темноту. Стреляй по нему или гони до изнеможения. Или в сетку направь.

Если дать свет на поле, где стога с сеном, — сразу поднимешь косога. Но у; нас никто не браконьерит, хоть заядлых охотников много. А Витька, значит, решился.

Вот о чем он вчера с моим отцом толковал. И Нине Викторовне обещал добыть «добра». Шкурок нахапать задумал.

Донеслось урчание мотора. Оно было по-кошачьи приглушенным: Витька завел не гусеничный «ДТ», а быстроходный «Беларусь», на котором зимой выезжает редко.

Мотор сразу стал удаляться — и стих.

— Уехали... — заметался я по крепости. — Где же Саня!

Надо в погоню, это точно. Но без друга все рушилось. Не догонять же Головешку с такими подручными, с Зойкой да Колюхом.

Тут из лаза высунулась темная, мохнатая морда — и спряталась. Потом короткий визг — и в крепости явилась собака. Все чуть в обморок не упали.

— Это Альма! — воскликнул я с колотящимся от глупого страха сердцем.

В лазе показался Саня, ворча сердито:

— Чего вы раскричались? Собаку напугали, выталкивать пришлось даже.

Мы так занялись новостями, что прохлопали его приближение к тоннелю.

Он рассказал, как услышал у Витькиного дома тоскливый лай Альмы и из жалости отвязал ее.

— Она сейчас нам пригодится! — возопил я.

И мы наперебой сообщили о магазине, о сетках и тракторе. Услышав про отца, друг потемнел, словно градовая туча. Оживление на его лице сменилось неподвижной маской. Он угрюмо и резко сказал — как булыжник в воду бросил:

— Вовка — за мной. Остальные — по домам.

Но Дина, Колюх и Зойка хором заспорили, желая с нами. Тогда Саня изменил приказ:

— Будьте тут до нашего возвращенья. Следите за дорогой и улицей, смотрите, слушайте.

Чуть подумал.

— А Динка выполнит секретное поручение. Передал мне поводок, отвел девчонку в угол крепости и что-то прошептал.

— Остаешься главной, — сказал ей напоследок, уже прыгая через бруствер.

И мы с ним побежали за рвущейся с поводка Альмой.

Нас обступила темнота. Вокруг лишь зыбкий снег и какие-то стеклянные, хрупкие звезды. Огни села утонули за бугром. Гул мотора, сколько ни вслушивались, ниоткуда не доносился. Но Альма уверенно тянула через косогор, сквозь пуховые сугробы и впадины.

— Ты что возле Витькиного дома делал? — спросил я на ходу, стараясь не отстать.

— Надо же мне где-нибудь быть? — ответил отрывисто Саня. — Надо же хоть где-то спрятаться от вас...

— А где ты прячешься? От Молтаво ушел, я знаю. Где же ты ночевал нынче?

Друг криво усмехнулся:

— У Головешки в амбаре. Альма знает меня, не лает.

Он замолк, говорить на бегу трудно. Через минуту продолжил:

— Я там в заборе дырку проделал. Вползаю, а Альма места себе не находит. Ну, я понял...

Наткнулись на рубчатый след. Он тянулся вдоль балки, ловко огибал языки-заносы. Что ни говори, а Летов умеет ездить. Колесные тракторы вообще зимой, как теплолюбивые ящеры, прячутся в гаражах. Один Витька умудряется мотаться на них по холоду. Он задние колеса накачивает лишь вполовину, шины раздаются лепешкой и не так вязнут в снегу. Но все знают, что это Витькино умение идет не от любви к работе, а от страсти к деньгам.

Саня тихо бормотал:

— Гад, собака...

— Наверно, с выключенными фарами сейчас едет, как ворюга, — поддержал я.

— Я не про Витьку.

Да, друг страшно переживал, что его отец ввязался в браконьерство. Он бежал и поносил отца. Зло, с ненавистью. Потом ронял виновато, будто извиняясь:

— Он все-таки выпивши. Он бы трезвый не согласился...

Первый раз в жизни ему хотелось, чтоб отец оказался выпивши. Чтоб за него не так стыдно было. Хотя не известно еще, какой преступник хуже: пьяный или трезвый.

Мы бежали уже минут сорок, здорово взмокли. И наконец наткнулись на сетку, большой длинной паутиной тянувшуюся над рваным краем балки. Сюда и должны были мчаться смертельно перепуганные косые.

Нетерпеливо скуля, Альма обнюхала сетку. Почуяла неподалеку хозяина, родного своего подлеца.

Саня вытащил белый носовой платок, который ему Дина подарила на день рождения. Он обычно стеснялся его показывать, а сейчас, недолго думая, обвязал им Альме разгоряченную пасть.

Псина удивленно закружилась, нелепо дергая лапой около своей лохматой, поросшей парным инеем морды, потом нехотя успокоилась.

— Надо спрятаться, — сказал дружок. — Иначе плохо будет.

— Сетку снимаем? — взбудораженно спросил я.

— Нет, не надо. Если Витька какой-нибудь сетки недосчитается, тут же заподозрит.

И вдруг на том конце поля слабо — именно воровски — ударили дальние выстрелы.

— Начали... — шепнул Саня.

Он еле сдерживал Альму, будто сошедшую с ума. Глупая честная собака! Откуда ей знать, что там идет не благородная охота, милая ее сердцу, а жестокий расстрел

беззащитных жертв.

Я представил, как сейчас мечется под лучом только что мирно кормившийся сеном зайчишка. Теперь ему несдобровать. А его соседи, еще не попавшие под кинжальный свет, но уже смертельно напуганные, в панике несутся к сеткам. Кто проскочит в балку, а кто и нет...

Мы сидели у края поля больше часа. Браконьеры рыскали километрах в трех. Потом луч полоснул у нас над головами. И гулкой кувалдой ударили близкие выстрелы. Альма сбросила повязку", в восторге залаяла. Саня крикнул:

— Сейчас они снимут сетки! Уходим, нам надо быть в селе раньше них!

Мы спешно рванулись к дому.

Снова спеленутая платком Альма, оборачиваясь назад, сердито упиралась. Она считала нас обманщиками. А настоящим своим другом, конечно, признавала теперь только Витьку.

Обратная дорога была неинтересной и еще более утомительной. Я уже не любовался ни на звезды, ни на сонные ночные склоны, которые у нас покруче любой парковой «американской горки».

Версты через две друг остановился. Мы напряженно слушали мрачную тишину. От этого сделалось жутковато.

Едва донесся чуть слышный, будто потусторонний, рокот, стало еще страшней. Припустили к селу. Снежные колтуны, набившиеся в валенки, под штанины, нехотя плавилась и жгли наши мокрые пупырчатые икры.

У мехотряда Саня опять замер:

— Ждем, когда приедут и разгрузятся.

— Можно было вообще никуда не бегать, а все время сидеть здесь, — не выдержал я.

— Можно было, — снисходительно кивнул друг. — Но теперь мы точно знаем, чем они на поле занимались. Мы свидетели.

Да, Саня стал наголову умней меня. Еще летом мы сообща ошибались и сообща искали истину. А сейчас Саня все видит и понимает лучше. И взгляд у него непонятный — то сосредоточенный и угрюмый, то почти насмешливый.

— Вот, скажем, если они добычу припрятали и пустыми едут? А мы на них налет сдуру сделаем — и ничего не найдем. Что будет тогда, если б мы не виде-

ли их охоту своими глазами? Один конфуз, — и Саня весело подмигнул.

— Налет? Будем делать налет? — встрепенулся я.

— Конечно. А пока смотри в оба.

Мы сидели в наждачных снежных ямках довольно долго. Ночь была бездонной и сизой от морозных звезд, и мне казалось — она повисла над селом навсегда.

Вдруг «Беларусь» почти бесшумно выполз на пригорок, взъехал, как тень, на край мехотряда — и тихенько стал. Я даже глаза протер — так тонко работал Витька, так осторожно вел трактор.

Они рыхло вывалились из кабины, возились с морозными тюками сеток, с какими-то мешками. Санин отец норовил ткнуться навзничь, мешок не лежал на его спине. Потом они медленно двинулись прочь.

— Идут к огородам, — Саню била дрожь азарта. — Ползем в крепость!

Альма скулила, но тоже ползла. Вернее, почти волочилась на поводке за нами.

В крепости были задубевшие от холода Колюх и Дина. Зойка, не выдержав, ушла домой. Двенадцатый час ночи, село крепко спит.

Дина первой нас заметила:

— Наконец! Ну, возвращаются?

— Да, — ответил Саня. — А что у вас?

— Нормально. Он ждет.

Я не успел спросить, кто это «он». Саня зашептал:

— Пригнись!..

Браконьеры брели мимо крепости и базарно ругались. Санин отец, линялый, взъерошенный, как медведь-шатун, глухо бубнил:

— Бутылкой ты не отделаешься... Три зверя моих. Я же стрелял иль кто?

— Да ты стрелял все равно, как в белый свет, — шипел озирающийся Витька. — Все у меня спрячем, завтра шкурки загоним — две недели похмеляться будешь...

При этих словах Саня скрипнул зубами и сдернул платок с Альмы. Отстегнул и поводок.

Альма радостно сиганула через бруствер, пушистым коlobком скатилась Головешке под ноги. Она счастливо лаяла — и ее лай раскатисто наполнял улицы, игриво кувыряясь над домами, над ночью. Как будто большими палками повсюду заколотили по закрытым оконным ставням.

— Цыц, паскуда... — оторопел Головешка. — Откуда ты взялась, падаль такая.

Собака танцевала всеми четырьмя лапами и оглушительно гавкала, показывая свою беззаветную любовь к Витьке. А он пинал Альму кургузой ногой и все цыкал:

— Замолчи, тварь. Цыц!

Санин отец с минуту обалдело хлопал глазами — и вдруг хрипло захохотал-закаркал.

А с улицы навстречу им с нарочитой неторопливостью шел бригадир Николай Петрович. Это его Дина по заданию Сани предупредила, что на поле поехали браконьеры.

— Ага, — все так же неторопливо заглянул бригадир в стыдливо брошенные мешки.

— Шесть зайчишек. Трех бедняг вы ухлопали, а трое пока еще живы, сеточные, ага.

Горе-охотников накрыли с поличным.

Я взглянул на Саню. Друг стоял в дальнем, осыпавшемся углу крепости, из прокушенной нижней губы худыми капельками сочилась кровь. Его испепелял стыд за отца, которого он сам выследил и обрек на позор.

9. РАССТРЕЛ

жасно зевалось на уроках. Все же Колюх получил по русскому троечку, закрыв наконец серию двоек. От радости он без стеснения хавкал челюстями прямо перед осунувшейся, задумчивой Ниной Викторовной.

Дина с жалобной извиняющейся улыбкой смотрела на нас с Саней. А мне казалось, что сижу на качелях и сейчас свалюсь на пол у парты.

Мать уже знала про нашу эпопею и старалась не замечать, как Саня безвольно клонит голову к стене. Меня, правда, спросила с места. Единицу по истории я давно исправил, но сейчас чуть не появилась еще одна. Потом была математика. Клавдия Ивановна и во сне

не могла предположить, как мы провели вчерашний вечер и часть ночи, и привычно прицепилась к Сане: — Дремать сюда пришел, скучно тебе? А ну, иди к доске.

Начались Санины мучения. Он держался на удивление стойко. Но прилипчивая математичка допекала его язвительными репликами про незабываемый телеграф. Я сидел и думал:

«Как понять, плохой человек или хороший? Если он тебе не нравится — значит, плохой? Допустим, с точки зрения математички Саня плохой. Но ведь с нашей — она тоже не ангел... А вот мой отец: мне он не нравится, но значит ли это, что он плохой? О

плохом мать бы не вздыхала, как украдкой делает... А Санин отец? Было время, когда мы, еще голопузики, целыми днями катались на его грузовике. И в мире лучше человека для нас не было. Саня переживает, и ни за что не поддакнет, если отца назовут плохим. В душе он надеется, что запои когда-нибудь уйдут».

На парту осенним листиком упала раскрытая записка. Знакомыми печатными буквами на ней крупно стояло:

«Скорей взгляни в окно. Я.»

Прочитав короткую подпись из одного местоимения, я вздрогнул и обернулся. Динка смотрела своими желудевыми глазищами в упор.

«Так это ты?» — читала она на моей бледной, с вечным чернильным пятном у подбородка, бестолковой физиономии.

«Да, это я», — видел я в ее широко распахнутых глазах.

Я был не в силах шевельнуть губами, чтоб спросить Дину, зачем столько времени морочила мне голову — и зачем вообще столь таинственные записки.

«Потом объясню. Взгляни в окно», — приказывала она взглядом, на ее всегда светлом лице темным облачком проступала тревога.

Я нехотя повернулся к окну. И тут же забыл про урок, про записки и про Дину.

Вдоль длинной утренней улицы шел Витька. На костистом плече болталась двустволка.

Вчера бригадир хотел отобрать вместе с зайцами и ружье. Но Летов ответил, что это право только милиции, потом клялся уплатить штраф — в общем, ружье не отдал. И сейчас он шел с ним куда-то, был хмурый и — самое главное — вел на поводке Альму...

— Ну ладно, садись, троечка, — милостиво сказала между тем Сане Клавдия Ивановна. — Спасся, изобретатель.

Не такая она плохая, оказывается. Минус на минус — вот тебе и плюс.

И тут же Дина подняла руку:

— Можно выйти?

— Да, иди.

Дина перед уходом мигнула мне и чуть заметно кивнула на Саню. Едва я прошептал другу новость, он сразу поднял руку:

— Можно выйти?

— Что это вы? — подозрительно взглянула на него учительница. — Иди, коль не шутишь.

Саня быстро исчез. Я ерзал подошвами, в досаде тряс локтями, — в общем, метался на одном месте, как мой кот Никита, попавший лапой в мышеловку. Друзей все не было.

И я, схватившись за живот, вскинул руку:

— Можно выйти?

— Ну нет! — взорвалась и без того пасмурная Клавдия Ивановна. — Снова у вас фокусы! Сиди, пять минут до перемены осталось...

После звонка она, гневно блистая очками, чуть не потащила меня в учительскую сознаваться, что мы задумали и почему Саня с Диной так и не вернулись.

А их и впрямь нигде не было. Я выскочил на крыльцо, повертел враз озябшей головой, потом побежал глянуть за угол.

И хорошо сделал. Там терпеливо переминался мой верный дружок. Он был уже одет, а главное, держал наготове мое пальто и шапку.

— Дина идет за Головешкой, — сказал он. — Будет оставлять для нас знаки.

Саня знал, что нам делать. Конечно, за побег с уроков влетит так, как никогда еще не влетало. Но мы сейчас думали только про Альму.

На выходе из села увидели первый Динкин знак. Она для приметы повесила на сук дерева свою яркую, как птичка гаечка, варежку, а на снегу прочертила указательную стрелку.

— Витька двигает в Белый яр, — проговорил Саня уже каким-то больным, лихорадочным голосом.

Холодок терновой иголкой царапнул и по моей спине.

Белый яр — плохое место. Туда редко ходят даже летом. В этот яр сбросили немцев, убитых при освобождении села. Конный скребень прочно задвинул их земли, но все равно там еще долго хороводились вороны.

Итак, Летов направляется в Белый яр. Туда, куда никакой охотник ни за какие ковриги не пойдет.

Второй раз за сутки мы шли по Витькиному следу. Мы мчали по полю, как шальные танкетки, почти не маскируясь. Тревога охватывала все сильнее.

Дину догнали у самого яра. Она еще не успела отдышаться.

— Где он?

— Там, — подружка кивнула на следы, ползущие вниз. — Я в посадках ждала, когда он спустится, а потом уже сюда прибежала. Дальше нельзя, увидит.

Осторожно подобралась к краю.

По дну балки, метрах в ста от нас, через просевшие сугробы медленно двигалась сплюснутая фигура Витьки. Следом, взламывая наст, старательно прыгала Альма.

Летов выбрался на твердую площадку, где ежилось корявое дерево. Стал у этого дерева, принялся рассматривать его, о чем-то вяло думая. Потом оглянулся и едва не заметил нас — мы еле успели пригнуться за край обрыва.

Когда снова высунули головы, Витька уминал снег шагах в двадцати от деревца, под которым ластилась Альма, виляя хвостом хозяину. Поводок был обвязан вокруг нижней ветки.

...То, что было дальше, вспоминается всякий раз, когда вижу внимательный и добрый собачий взгляд. Много лет промчалось, я давно уж взрослый. Стал лучше понимать и прощать ошибки друзей, нападки врагов. Жизнь быстро отщелкивает свои неповторимые мгновенья. Но жалеть о них не надо. Об ушедшем жалеет тот, у кого ничего не осталось взамен. А оставаться должно. Взамен молодости у людей остается мудрость, взамен детства — умение чувствовать. И чем дальше в жизнь, тем драгоценней это свойство души, учатся которому именно в детстве... Альма, дорогая, милая Альма-Витька достал гнутую, гнилого цвета папиросу, прикурил. Его зуб-фикса слабо сверкнул на солнце, уже заглянувшем туда, на самое дно дурного яра. В утренних лучах рыжая Альма вспыхнула, стала яркой-яркой и красивой на белом снегу. Она ловила единственным глазом каждое движенье хозяина. Ждала лишь сигнала, чтоб доказать свою великую собачью преданность.

И Витька выдохнул тусклый гнилой дым, поднял ружье и выстрелил прямо по этой преданности.

Эхо молотом ударило в склоны оврагов. Мы оцепенели. Кажется, Дина шепотом вскрикнула. А может, и нет.

Альма скулила, вертелась на серебряном снегу. Она упала на задние лапы, а передними словно бежала по кругу и пыталась мордой достать до спины и зубами выдернуть оттуда нежданную острую боль.

Головешка гулко выстрелил из второго ствола. От Альмы отлетел клочок рыжей шерсти. Лапы ее подломились, будто глиняные. Она теперь всем животом лежала в луже крови. Эхо отгрохотало и затихло, но над яром висел какой-то пронзительный, рвущий воздух звук. Это был голос Альмы, понявшей, что делает хозяин. Она, уже не в силах встать, задрала морду и выла — тонко, на одной ноте. И никак не могла кончить этот свой

последний плач.

Не знаю, как шевелятся на голове волосы, но наверное, у меня так и было. Помню, под шапкой стало мокро. И еще мне казалось, что Альма снизу видела нас и зывала именно к нам.

Если б мы закричали, то еще, может, спасли бедную, ни в чем не виноватую собаку. Но мы все трое походили на африканских истуканов. Руки и ноги сковал страх. Помню, мне чудилось, земля разверзается и сейчас поглотит весь этот кошмар, вместе с нами. Головешка скривился, что придется опять стрелять. Он нехотя вынул из-за пояса тяжкий патрон, по-иезу-

итски медленно вложил его в ствол. А Альма все была и косила на Витьку выкаченным от ужаса глазом. Сквозь поднятую оскаленную пасть на снег лилась кровь.

После третьего выстрела вой оборвался. Собака с каким-то игрушечным бессилием ткнулась мордой в лапы и больше не двигалась. Она была словно рыжий камень в непонятно дымящейся под солнцем красной луже на снегу.

Наступила жуткая тишь. Она была такая, что, казалось, слышно, как убийца продувает ствол. У меня кружилась голова. Зловещий Белый яр качался передо мной.

И тут над оврагами раздался еще выстрел. Даже и не выстрел, а какой-то детский хлопок.

Я увидел, как дымный пыж спланировал под откос. Головешка выронил двустволку, инстинктивно закрылся рукой.

И еще я запомнил: Саня стоит над обрывом во весь рост, готовый прыгнуть вниз, на Витьку. Глаза угольные, сумасшедшие от ярости, а Дина отчаянно вырывает у Сани из рук огнестрел и плачет, и кричит:

— Саша-а, ты что, Саша!..

эпилог

«Здравствуй, Вовка. Извини, что опять не приехал на лето. Я работал на заводе, в бригаде Василия, мужа Нины Викторовны. Отличный парень. Говорил мне: «Кончай скорей восьмилетку, хорошего слесаря из тебя сделаю».

У них маленькая дочка. Я иногда гуляю с Василием и с ней.

Нина Викторовна преподает в той школе, где учится Дина. Они и меня хотели перевести к себе. Но я живу у тетки в конце города и хожу в другую школу. Тебя вспоминаю, хоть ты и обижаешься, что пишу редко. Писать я не очень люблю. А вот вспоминаю часто, честное слово.

За эти полтора года много думал о наших похождениях. О том, как я выстрелил в Головешку. Помнишь, он нас потом конвоировал в село. Я оглядывался и говорил, что все равно его убью за Альму, а он ругался и курками щелкал. Здорово тогда Головешка сдрейфил, а ведь дробина даже не долетела до него.

Теперь я понимаю, что стрелять в человека, даже в такого, как этот, — дикость и преступление. А тогда

1Z6

был в горячке. Потом, пока школа решала, что со мной делать, я уж сам все решил: если меня простят, не стану больше жить с отцом, уеду к тетке в город. В ту зиму мое детство кончилось.

Дина живет с матерью и отчимом вроде бы ничего. По-моему, она ими даже командует. Ты же знаешь, она всегда умела настоять на своем.

Она должна бы в первую очередь сдружиться не со мной, а с тобой. Однажды сама призналась. Сказала, что писала записки потому, что заметила в тебе большое воображение, что ты по-своему как-то, по-особому переживаешь и чувствуешь. И что хотела преодолеть твой холодок и приблизить тебя к себе. Вот народ эти девчонки!

Скажи?

Как там наши Колюх с Зоей? Все опасаются своей бабки? Какие у всех планы после восьмого класса?

Спасибо за поздравление с днем рождения. Скоро и тебе стукнет пятнадцать. Да, Вова, детство кончилось. Хорошее было детство, правда? Нравнодушное какое-то, что ли. Не знаю, как поточнее это написать. В общем, время было что надо, росли честно и всерьез.

Да, как ты живешь со своим батей? По-моему, он все-таки мужик ничего. Не то, что...

Ну, до свидания. Привет всем нашим. Если моя мать спросит, скажи, что у меня все нормально, я ей скоро напишу. А если отец спросит — ничего не говори.

Тебе персональный привет от Дины.

Твой друг Саня».